

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ТАМПЛИЕР НА СВЯТОЙ РУСИ

Продолжение бестселлера «Тамплиер. На святой земле».

С боем вырвавшись из осажденного мамелюками города-крепости Акры, Саша Воронов кружным путем добирается до родной земли. Но и здесь оруженосцу рыцарского ордена не будет покоя — на Святую Русь надвигаются татарские полчища, которые привел тверской князь Андрей, желающий выгнать из богатого Владимира родного брата.

Города пали, княжеские дружины и ополчение разгромлены, татары приступают к планомерному грабежу. Воронов объявляет захватчикам собственную войну — сначала в одиночку, а потом в составе небольшого отряда громит мелкие шайки, освобождает из полона русских людей. Но главная цель молодого воина — предатели, приведшие на Русь врагов, князь Андрей и его пособники.

Юрий Григорьевич Корчевский

Тамплиер. На Святой Руси

© Корчевский Ю.Г., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Покушение

Очнулся он в келье. Сначала не понял, как сюда попал. Над ним наклонился Фотий.

— Ты как себя чувствуешь?

Александр не ответил. Голова болела, он пощупал затылок. Шишка большая. Откуда взялась? Попытался сесть на топчане и застонал от боли в голове, от головокружения, от тошноты. Помнил, как выходил от Фотия, шёл из монастыря на постоянный двор, а дальше провал в памяти.

— Больно? — участливо осведомился чернец.

— Как я попал к тебе в келью? Ведь я же уходил из монастыря.

— Наш ключник в город поехал, а там ты на дороге лежишь. Он сначала подумал — мёртвый. Пригляделся — пар изо рта идёт. Вот и привёз тебя на санях в монастырь, не бросать же на дороге. Привратник-то тебя и узнал, ко мне перенесли. Монах Серафим, лечец наш, тебя осмотрел, пока ты без памяти был. Сказал — серьёзных повреждений нет.

После этих слов Александр вспомнил всё. Как напали на него двое неизвестных, один попытался его ножом пырнуть.

— Фотий, ты ключника не позовёшь ли?

— Почему нет? Если он вернулся.

— Давно я здесь?

— Стемнело уже, а часов не знаю, нет их в монастыре, разве у настоятеля клепсидра по греческому подобию.

Фотий вышел, а вернулся с сухим, как щепка, седым монахом.

— Поблагодарить хочу тебя, чернец, что на дороге не оставил, жизнь спас, иначе замёрз бы насмерть.

— Нешто я басурманин? Господь велел являть милосердие.

— Прости за назойливость, я один лежал?

— Истинно так. Один, на животе.

А куда же делся мужик, которого Александр ножом ударил? Непроизвольно за нож взялся, а ножны на поясе пустые.

— А кровь была?

— На тебе ни царапины.

— Я имел в виду — на снегу.

— Вот чего не видел. Шапка твоя в стороне валялась, я подобрал, у Фотия она. Серафим сказал — тебе бы отлежаться седмицу, а то потом как бы падучая не приключилась.

Под падучей понимали эпилептические припадки.

— Исполню.

— Сам упал?

— Припомнить не могу.

— Это бывает. Меня Варфоломеем зовут.

Чернец со связкой ключей на поясе вышел.

— Долг платежом красен, — улыбнулся Фотий. — Сначала ты мне помогал, теперь пришёл мой черёд.

— Фотий, просьба к тебе. Я завтра должен был с обозом в Шую идти, но не могу. Сходи в город, предупреди Фадея, что занемог.

— Всенепременно. Он где живёт?

Как мог, Александр объяснил, с подробностями, чтобы не блудил, нашёл быстро.

Фотий заторопился, время позднее, а чернец — человек обязательный.

Александр теперь лежал в одиночестве. Голова тупо болела, но он попытался проанализировать ситуацию. Кто напал? Обычные подвыпившие грабители? Спиртным не пахло, да и движения у них чёткие, не как у пьяных. Опять же — оружием владеют хорошо, чувствуется опыт. Если бы не кольчуга, лежать бы ему убитым. Одна странность, куда девался тот, которого он убил, и почему второй его не добил? Прохожие помешали или ключарь, появившийся на улице? Цель неизвестных была однозначной — убить. Не уследил он за вторым, тот его чем-то тяжёлым шарахнул по затылку, похоже — кастетом. Если бы не шапка, смягчившая удар, череп проломили бы. Нет, не случайная встреча была, поджидали его. А раз так, следили от постоянного двора. Врагов у него во Владимире не было, не успел нажить. Значит, всё произошедшее — следствие событий недавних.

Великий князь навёл? Несolidно, да и зачем ему? Уж если бы хотел, сразу из терема бросил в темницу, за железную решётку. Егор из Муром? Не мог он так быстро Александра вычислить. Свидетелей убийства вербовщика не было. И не так просто найти Сашу во Владимире. Не боярин ли Антип Онуфриевич, имя которого упоминается в письме Егора. Но князь принимал его один, посторонних не было, никто разговор подслушать не мог. Стоп! Мог десятник Пафнутий, он за дверью был. Не хотелось верить, его рекомендовал Фадей. Между ними могут быть личные отношения хорошие. Но кто даст гарантию, что Пафнутий не в заговоре? Можно предположить, с долей вероятной ошибки, что во Владимире главный в заговоре боярин, который подобрал себе людей чином и званием попроще, и один из таких исполнителей Пафнутий, тогда логическая цепочка связывается. Как поднимется он на ноги, надо будет потолковать с Фадеем. Откуда он знает Пафнутия, что за человек. Живёт он в воинской дружинной избе, куда постороннему входа нет. Поговорить по «душам» с Пафнутием затруднительно, если только выследить, когда он в город отправляется, на торг или в корчму, покушать и выпить. Дружинная еда сытная, но простая и однообразная, а разносолов каждому человеку периодически хочется. Эх, как не вовремя Фадей завтра уезжает, да получается надолго. До Шуи неделя пути, назад столько же, да ещё неизвестно, сколько купец Репьёв там будет. За мыслями незаметно придремал, не заметил, как Фотий вернулся. Пробудился от стука, глаза открыл. Фотий явно озяб на морозе. Уши и нос красные, ладони потирает.

— Нашёл? — спросил Александр.

— С Божьей помощью. Прохожих уже нет, не спросишь. Но ты описал всё точно. Виделся, о несчастье твоём обсказал. Посетовал знакомец твой. Но коли случилось — просил передать пожелания скорейшего выздоровления.

— Даже не знаю, как благодарить тебя, Фотий.

— Да что ты, Александр! Долг платежом красен! Отдыхай.

— погоди! А ты где спать-почивать будешь? Я же твою келью занял.

— У монахов, в общем зале, там лежанка всегда найдётся.

— Неудобно стеснять тебя. Отойду немного и уйду.

— Настоятель Иов о тебе знает, брат Серафим сказал. Так наместник не против.

Фотий ушёл. Как монахи тут живут? От толстых каменных стен холодом веет, топчан

жѣсткий, одеяло тонкое. Суровые, если не сказать — аскетические условия. Хорошо, что Фотий не отшельник или вовсе фанатик, что веригами себя лупцуют.

Но угрелся под тонким одеяльцем и уснул. Проснулся затемно, Фотий разбудил.

— На заутреннюю службу пойдёшь? Благостно там.

Александр попробовал встать, голова сразу отозвалась болью.

— Не могу.

Фотий ушёл, но судя по лицу — обиделся. Александр сполз с топчана, встал на колени перед образами. Помолился. Раньше атеистом был, в прежней жизни, только где она теперь? Здесь верующие все — кто христианин, кто другую веру исповедует. Хотя... Те же татаро-монголы, принявшие ислам при правлении хана Узбека, оставались поклонниками старой веры. Не так просто вытравить повелением правителей веру в прежних богов. Вон на Руси после принятия христианства ещё несколько веков язычники существовали. Гонения испытывали тяжкие, но от веры не отрекались. Что скрепляет государство? Вера и язык только.

Счёл молитву. Уже заканчивал — от злого оговора, волшебства, чародейства и нападений бесовских. Была такая.

— ...Недостойному рабу Твоему Александру избави от всех навет вражеских, от всякого зла, колдовства, от лукавых человек, да не возмогут они причинить всякого зла. Отврати и удали всякия зла нечисти, действуемая по наущению Дьявола. Аще кое зло замыслено или соделано есть, возврати его паки в преисподнюю. Яко Твоё есть царство и сила и слава. Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

А от дверей голос Фотия. Как он вошёл, Саша не слышал.

— Благостно мне молитву эту из твоих уст слышать. Не подозревал я, что знаешь её, одобряю.

Саша поднялся с колен.

— Думаешь, раз воин, веру не чту?

— Я покушать тебе принёс.

На столе стояла миска с кашей — пшѣнной, обильно сдобренной льняным маслом. Александр в самом деле проголодался, съел с аппетитом, почувствовал себя бодрее. Вроде и голова болела не так.

— Фотий, не хочу обременять тебя и братию. У вас кто-нибудь на санях в город выезжает?

— Ключарь должен скоро ехать, кое-каких припасов подкупить.

— Попроси его, пусть меня подвезёт до постоянного двора, там отлежусь.

— Как скажешь, мне ты не в тягость.

Около полудня Фотий зашёл за Сашей, помог надеть кожух, шапку. Ключарь Варфоломей уже в санях ждал. Сразу выехали со двора.

— Ты дорогу-то подскажи, где твой постоянный двор?

Добрались. Александр чернеца поблагодарил. Саша не торопясь, остерегаясь оскользнуться на снегу, вошёл в трапезную.

— О, гость дорогой! — поприветствовал его хозяин. — А тебя вчера знакомец искал.

Фадей искать не мог, он уехал с купцом сопровождать обоз.

— А кто, не сказал?

— Не представился.

— Каков из себя?

Вот что не отнять у людей того времени, описывали внешность очень точно, образно. И когда хозяин описал незнакомца, Саша сразу понял — искал его второй несостоявшийся убийца, что сзади по голове ударил. Похоже, серьёзно за него взялись. Сменить постоянный двор? Да много ли их во Владимире? Найдут, если сильно захотят. А желают они сильно. Ладно, сегодня он отлежится, а завтра что-нибудь придумает. Саша в свою комнату поднялся, разделся, улёгся. Потом встал, закрыл дверь на засов, рядом с топчаном саблю положил. Проспал почти до вечера. За окном уже темно было, когда он в трапезную спустился, поел горячего. Состояние неважное. Лучше, чем вчера, но слабость остаётся, головная боль. Вернувшись в комнату, пощупал шишку на затылке. Немного меньше стала, но саднит. Неделю на постоялом дворе отсиживался. Спускался на первый этаж в трапезную поесть и опять к себе в комнату. Слышал когда-то, что при сотрясении головного мозга лучшее лечение — постельный покой. От лежания уже бока болели, надоело находиться в комнате. По натуре Александр человек активный, молодой, и сидеть в добровольном заточении для него пытка. Зато к концу недели почувствовал себя здоровым. Шишка на затылке исчезла, прошла головная боль. Попросил хозяина баньку протопить, всю неделю не мылся, опасался, что голова закружится, упадёт на раскалённые камни.

— Да банька всегда готова, иди.

О, с каким наслаждением Саша смыл с себя пот и грязь! Потом ядрёного хлебного кваса испил, да с хреном, аж слезу вышибает. Аппетит проснулся. Жареную курицу съел. Кто думает — обжора, ошибается. Не было тогда откормленных бройлерных кур, готовили молоденьких, в жареном виде выход мяса грамм триста — триста пятьдесят, рожа не треснет. А ещё мочёной антоновки, слышал — витаминов в ней много, для зимы в самый раз.

Наутро на торг отправился. Нож-то потерялся в схватке, надо новый приобрести. Приобрёл тяжёлый, новгородский, острый как бритва. Продавец уверял — из немецкой стали. От нечего делать на заднем дворе попробовал его метать в деревянные чурбаки, которые прислуга колола для топки печей. Сначала получалось плохо, из десяти бросков десять промахов. Утешал себя — навыка нет и цель малоразмерная. Чурбак-то длиной в локоть и диаметром сантиметров двадцать-тридцать. А как приноровился, нож то ручкой о дерево стукнется, а то и боком. Инструктора бы опытного, чтобы показал, как держать, как метать, закручивать ли клинок? До всего доходить своим умом приходилось. К исходу третьего дня упорных тренировок получаться стало в половине случаев. Нож тяжёлый, если бросать с силой, в дерево на три-четыре сантиметра входил. Так деревяшка плотная, клинок с трудом вытаскивался. Не в деревяшку метать нож потом придётся, в мягкое человеческое тело.

Потом дошло — бросит нож в противника, сам безоружен останется. Купил на торгу ещё один нож, поменьше. С саблей или мечом по городу ходить не будешь, а нож всё же оружие, выручил его при встрече с парочкой наёмных убийц. И в город теперь Александр выходил, надев под кожух кольчугу. По принципу — бережёного Бог бережёт, а небережёного караул стережёт.

По его подсчётам, не сегодня завтра Фадей с обозом Репьёва вернуться должен. Поговорить с Фадеем надо, что за человек десятник Пафнутий. Не зря в народе говорят — помяни чёрта всеу, он и появится. Увидел на улице Саша десятника. Не в дружинную одежду одет, как обычный горожанин. Обычно дружинники гордились близостью к князю, а Пафнутий вроде наоборот, скрыть свою принадлежность хочет. Ноги сами Александра понесли за десятником. Пафнутий спокойно шагал, не обернулся ни разу. А чего ему в

стольном граде бояться? Десятник подошёл к воротам, постучал. Довольно быстро калитку отворили, Пафнутий вошёл. За забором виден двухэтажный деревянный дом, терем даже, избой язык не повернётся назвать. Александр прохожего остановил.

— Земляк, не подскажешь, чей такой домина?

— Не местный, наверное? Боярина Щепкина.

— Не думный ли дворянин?

— Угадал. Что при Дмитриии, что при Андрее Александровиче при власти.

Прохожий дальше пошёл, Александр окликнул.

— А как звать-величать боярина?

— Всякий знает, Антип Онуфриевич.

Вот блин! Оказывается, Пафнутий к боярину вхож. Руку на отсечение, он боярину донёс о письме и визите Александра к великому князю. Очень вероятно, что он сам в заговоре участвует. И очень хорошо, что Саше с Фадеем говорить не пришлось. Тот о разговоре мог случайно Пафнутию обмолвиться. Александр перед владением боярским маячить не стал, ушёл сразу. Пафнутий его в лицо знает, ни к чему сейчас встречаться, подумает десятник, что выслеживает его. А фактически так и есть. Снова тема для размышления. Князь десятнику доверяет, а Пафнутий по сигналу вполне убить Дмитрия может в нужный момент. Тогда власть сама упадёт в руки Андрея, как переспелое яблоко с яблони.

На следующий день, после завтрака, направился на задний двор, только из-за угла вывернул, в бревенчатый сруб болт вонзился. Рядом с головой пролетел. Направление понятное. Александр в сторону арбалетчика бросился. Не боялся, арбалет перезарядить, даже в спокойной обстановке, не меньше минуты уйдёт, у него есть небольшой запас по времени. За задним двором невысокий забор, дальше ручей, по зиме замёрзший, метров через двадцать от него жилые избы идут. Бегом помчался, да беда — снег не даёт бежать толком. Но до забора добежал, с хода перемахнул его. По заснеженному льду человек от него утикает. Саша догонять взялся. Мужчина впереди торопится, оскальзывается в сапогах. Но дистанция сокращается понемногу. Александр решил во что бы то ни стало взять арбалетчика живым. Мужик оглянулся, и Саша узнал его — второй из убийц, который по голове его ударил, добить не успел. Мужик ходу поддал, но и Сашу злость взяла, не отстаёт. Вспомнил про нож. Попадёт если, то ранит и задержит, а промахнётся, подберёт нож и повторит попытку. На мгновение остановился, нож из ножен выхватил, метнул, целясь в ногу, вложив в бросок всю силу, злость. Нож в бедро угодил. Мужик от неожиданности вскрикнул, захромал, остановился, нож вытащил, изогнувшись. Видимо, клинок глубоко вошёл, лезвие до половины в крови. Мужик нож на изготовку взял, не собираясь сдаваться без боя.

— Жаль, не успел я тебя тогда добить!

— Чернец помешал? А куда сотоварища своего дел?

— Тебе какая разница? Я за него сейчас с тобой рассчитаюсь.

Мужик скорчил страшную физиономию, перед собой ножом размахивать стал.

— Не подходи!

— Ой, испугал!

Александр вытащил второй нож, мысленно поблагодарил себя за предусмотрительность.

— Ты сдохнешь сейчас! — спокойно сказал Саша. — Брошу нож тебе в глаз, и ты падалью будешь, как твой поделщик.

Слова Александра мужика разозлили. Кинулся он вперёд, мах ножом сделал и вскрикнул. Саша успел в сторону отклониться, сам ножом в бок ударил. Полушубок на

мужике прорезался сантиметров на десять, кровью окрасился. Не сильно, ранение несерьёзное, но второе. Обе раны болезненны, кровят. Мужик сразу осторожничать стал, о нападении не думает, отступает на шаг-два, нож перед собой держит.

— В какой глаз ножом попасть? — почти ласково поинтересовался Саша.

Обычно такой тон пугает больше крика. У мужика глаза забежали. Ещё бы, бок в крови, а ещё кровь по бедру течёт в сапог. Нервы не стальные, каждый жить хочет.

— Давай мирно разойдёмся, — попытался договориться раненый.

— Ты на меня дважды напал, хотя я тебе худого не сделал. Думаешь, миром разойдёмся?

Раны у тебя заживут, и ты снова по мою душу придёшь.

— Я из города исчезну.

— Словам не верю.

— Пафнутий мне второго огреха не простит.

— Ты десятника Пафнутия имеешь в виду?

— Так ты его знаешь?

— Как и боярина Щепкина, он в заговоре главный.

— Ты всё равно умрёшь, слишком много знаешь.

— Каждый умрёт, придёт время. Но ты сегодня, а я когда-нибудь потом.

— Не позже лета! — выпалил мужик.

— Когда князь Андрей басурман на Русь приведёт?

Глаза раненого расширились от удивления. Пора с этим гадом кончать. Может на звук голосов выглянуть кто-либо из хозяев домовладений, крик поднимет. Александр посмотрел за плечо раненого, кивнул головой, как будто там кто-то был. Не выдержал мужик, повернулся. Саша вперёд прыгнул, дважды ножом в спину ударил. Знал по опыту — ранения серьёзные, кончатся смертью, но несколько минут обречённый проживёт. Мужик упал, харкнул кровью. Саша ногой отбросил нож в сторону.

— Жить тебе недолго осталось. Как звать-то?

— Митяем.

— За деньги убивать меня шёл?

— А то!

Мужик начал дышать тяжело. Ещё бы, лёгкие кровью заполняются от ран.

— Кто меня заказал?

— Боярин, через Пафнутия. Он правая рука боярина.

— Когда нападение басурман ждать?

— У Дюдены спроси. Он...

Мужик уронил голову и затих. Из рта тянулась струйка крови на снег. Саша прислушался. Не дышит. Собаке — собачья смерть. Поднял свой нож, обтёр лезвие о полушубок убитого, протёр снегом, вложил в ножны. На постоянный двор не пошёл, на снегу чёткие отпечатки, вверх по течению ручья добрёл до небольшого мостика, взобрался на берег. Здесь снег утоптан до состояния льда, следов не будет. Обошёл квартал, снова вышел во двор постоянной избы. Идти на задний двор метать нож расхотелось. Но пришлось вытащить болт из бревна. Оказалось непросто. Чертыхнулся. Убитый где-то арбалет бросил, надо было подобрать. Впрочем, найдутся желающие себе его оставить, шантрапы много бродит, прихватит, что плохо лежит.

Убитого обнаружили через несколько дней, когда бродячие псы обгрызли лицо до неузнаваемости. Ни Разбойного приказа, ни Приказа тайных дел ещё не существовало,

убитого похоронили как безродного, без следствия. Наверняка десятник Пафнутий знал, чьих это рук дело, ведь сам убийца подсылал и в первый, и во второй раз. Убийцы были люди опытные, провернувшие не одно дело, и Пафнутий понял, что Александр осторожен, хорошо владеет оружием и лучше его пока не трогать. Александр к князю больше не ходил, а по лету придут татары, и участь строптивного охранника будет предрешена.

Хуже было другое. Прошло уже две недели после посещения великого князя, а никаких шевелений в городе незаметно. Не набирают охочих людей в дружину или ополчение. Не укрепляют стены, не завозят продовольствие на случай осады. Такие действия не скроешь от посторонних глаз. Саша князя предупредил, большего сделать он не в силах. Как говорится — прокукарекал, а там хоть солнце не вставай. Беспечен, недалновиден князь или не поверил Александру? Впрочем, значения это не имеет. Пошёл в монастырь, к Фотию. Но не к воротам. Не спеша обошёл монастырь вокруг, осматривая стены. Не как зевака, а с позиции воина. Стены мощные, высокие — метров семь. Такие без лестницы или штурмовой башни не взять. Однако и изъян есть, отсутствует ров, летом их водой наполняют. Дополнительное препятствие для штурмующих, лестницу не подставить. А ворота, коих оказалось двое, укреплять надо. В крепостях надвратные башни есть, с них опускают железные решётки, чтобы не дать возможности бить тараном в сами створки ворот. Обычно решётки подвесные делают метрах в семи-десяти от ворот, а в полу башни есть бойницы, чтобы лучники могли поражать штурмующих. В более поздние времена стали поступать хитрее. Перед решёткой ставили каменный въезд, да не по прямой, а под прямым углом. С ходу, с разбега тараном не ударишь, надо поворачивать, теряется инерция. И в полу предвратного укрепления не только бойницы для лучников появились, но и щели — смолу кипящую лить. С появлением пушек все ухищрения древних инженеров сошли на нет. Стреляя ядрами в одно место, пушки методично разрушали стены любой толщины.

Ворота — всегда самое слабое место любой крепости, в Европе перед воротами делали подъёмный мост, но на Руси такие мосты не прижились.

Фотий визиту приятеля обрадовался. Поговорили о погоде, о здоровье Александра. Саша чернецу прямым текстом сказал, что летом ожидается нападение татар.

— Да они каждый год набег делают, отобьёмся с Божьей помощью, — отмахнулся Фотий. — Стены у монастыря прочные, не возьмут окаянные.

— Ворота слабоваты, укрепить бы их, подскажи настоятелю.

— Да кто я такой наместнику указывать?

В общем, и у Фотия понимания Александр не нашёл. Беспечность, самоуверенность, упование на Божью помощь. На Бога надейся, а сам не плошай. Не зря поговорка родилась, не на пустом месте.

Вернулся на постоянный двор, а в трапезной Фадей сидит, Александра дожидается. Обнялись, как старые приятели, совместно потрапезничали, стоялых медов попили, как медовуха называлась.

— Поход спокойно прошёл, да плохо одному. А что не поехал? Чернец от тебя приходил, сказал — немощен ты из-за хвори.

— Упал неудачно, голову разбил, — соврал Александр.

Помнил он, что Фадей с Пафнутием знакомство водит, а десятник из дружины княжеской — его заклятый и тайный враг. Расстались, довольные друг другом.

— Пока лёд на реках стоит, Репьёв ещё одну ходку сделать желает.

— Я поеду.

Поехать не удалось. Через несколько дней резко потеплело, с крыш вода закапала. А потом утром Александр проснулся от странного грохота. Такое ощущение, что пушки палят, но откуда им тут взяться? За завтраком хозяин сказал.

— Лёд на реке лопается. Всё, закончились санные обозы. Теперь развезёт, ни на санях, ни на телеге не проехать.

И точно. На многих улицах грязь непролазная. Прилично только в центре, где мостовые мощены деревянными плашками. А квартал от центра, и завязнешь так, что сапоги в грязи оставить можно. Эх, Русь! Ничего не изменилось за семьсот лет, две беды так и остались — дороги и дураки. Всякое сообщение между городами или деревнями прекратилось. Народ Масленицу широкою отгулял, с песнями, скоморохами, блинами. Распутица долгая выдалась, на месяц. Реки ото льда очистились, но судоходство не возобновилось. Реки разлились, вода несла всякий мусор, упавшие деревья. Ударит такое дерево в корабль и не хуже торпеды пустит его на дно. Если кто и ездил, только верховые. Но и у них лошади грязью забрызганы по самую гриву, после каждой поездки мыть приходится. Саша периодически на конюшню заходил, Ветерка проведать, почистить его щёткой.

— Застоялся! Погоди немного, грязь подсохнет, тогда прохватим.

Ветерок глазами косил, ушами прядал, как будто понимал. А потом солнце стало жарить так, что за неделю всё высохло. Потянулись в город обозы из села с провизией. Селянам амбары освобождать надо для нового урожая, а у горожан продукты к концу подходят. Всем торговля нужна. Репьёв с походами медлил. Александр, зная о предполагаемом нападении, решил подстраховаться. Всё же меч рыцаря, золото за продажу замка, да и здесь немного серебра скопил. В бой с собой ценности не возмёшь, а оставить на постоялом дворе — это фактически подарить татарам в виде ценного трофея. Нет уж, самому пригодится. Сначала решил в сторону Суздаля ехать. Но и этот город татарами взят будет. До Белоозера далеко. Собрал всё ценное, в том числе меч, в мешок, на коня сел и помчался в сторону Переяславля. Далеко отъехал, вёрст на пятнадцать. Ближе к вечеру укромное место стал искать. Людям доверять нельзя. Могут к рукам прибрать, а опаснее всего татары, населённые пункты возьмут, ограбив — сожгут. Поэтому, поразмыслив, решил зарыть. Меч смазан обильно, в ножнах лето перележит. Если Александр жив останется, во что верил непреклонно, вернётся и заберёт. А повернётся судьба к нему спиной, так и останется клад на века в земле. Сколько таких по Руси-матушке разбросано! Археологи сотую часть, как не меньше, только обнаружили при раскопках. Так ведь рыли в поселениях, на месте бывших городищ. А сколько их осталось вне?

Свернул с наезженной дороги к реке. На глаза валун попался на берегу, огромный. Примета памятная, не ошибёшься. Мечом дёрн срезал, аккуратно в сторону отложил, затем ямку выкопал, землю ладонями раскидал. Меч в ножны и в мешок. Всё в яму уложил, землёй присыпал, утоптал ногой. Сверху дёрн. Отошёл на несколько шагов. Как будто и нет клада, всё выглядит аккуратно. Осмотрелся по сторонам. Ещё одну примету обнаружил — сосну с раздвоенным стволом. Как от удара молнии. Дело сделано. Назад поехал, в ближайшей деревне на ночёвку остановился на постоялом дворе. Ужин заказал, днём обедать не пришлось. У хозяина спросил, как деревня называется. Хозяин вопросу не удивился, если человек проезжий, откуда ему знать?

— Авдотьино, что на реке Колокше.

— Я про реку не спрашивал.

— Есть ещё одно Авдотьино, но там реки нет. Так и различаем.

Занятно. А ведь незнаючи можно перепутать. Переночевал в незнакомом месте, заперев дверь на засов. Осторожничай стал после двух покушений. А уже в полдень въехал во Владимир. Коня обиходил, поставил в денник на конюшне. А в трапезной Фадей ждёт.

— Куда спозаранку ездил?

— Мелкие дела.

— Другому скажи, коня в конюшне не было.

— По девкам, Фадей, по девкам.

Не поверил Фадей, по глазам видно было, но это его дело. Докладывать ничего Саша не собирався, памятуя о Пафнутии.

— Я ведь к тебе по делу. Репьёв ушкой купил, как товар купит, собирается в Рязань сходить. Ты как?

— Не против.

— Сразу предупреждаю — на вёслах посидеть придётся в безветрие. Ходил я раньше по Оке аж до Коломны. Всё время против течения, потрудиться придётся.

Работа за веслом Александра не пугала, всё физическая нагрузка, мышцы спины и рук хорошо тренирует. После еды да выпивки Александр решил прогуляться, Фадея проводить заодно. Без малого до избы Фадея довёл, расстались на углу. Александр отошёл, обернулся. Хм, что-то лицо у одного мужика знакомое. Определённо, где-то видел, причём недавно. Попытался вспомнить и не смог. Получилось, что мужик Александра обогнал, некоторое время шли в одном направлении. Прохожий повернул за угол, на мгновение показав левую половину лица, и Саша сразу вспомнил. Именно с такого ракурса он его видел в Муроме, на торгу. Ну, видел, что такого? Его тоже в Муроме видели, может — купец. Хотя нет, на купца не похож ни одеянием, ни повадками. Александр насторожился, решил проследить, куда незнакомец направляется. Отпустил его вперёд на полквартила, лишь бы спину видеть. Попетляв, мужик точнёхонько вышел к терему боярина Щепкина. Да что ж такое? Воистину все дороги ведут в Рим.

Похоже, засуетился боярин, активность его приспешников возросла перед летом. Мужик постучал в калитку, ему открыли, и он вошёл. Дьявольское гнездо измены! Великому князю арестовать бы боярина, да в поруб, попытать. Тогда бы его заговорщицкую сеть раскрыть можно. Конечно, это не отвратит нападения татар, но в городе «пятую колонну» вычислить вполне можно, иначе удар в спину нанести могут, а хуже того — откроют ворота.

И такая злость Александра взяла! Но что он может предпринять, если у него даже нет друзей-сообщников, которые помочь могут, на кого опереться можно, помощь получить. Единственное... Поджечь терем боярина, уподобившись Герострату. Правда, огненный петух может перекинуться на соседние здания. Впрочем, сам терем далеко отстоит от соседей. Пожар и письма, списки уничтожит, и деньги, не до игрищ боярину будет. Если татары нагрянут и город возьмут, сожгут по своему басурманскому обыкновению, чтоб им пусто было!

Но поджог — дело серьёзное, требующее подготовки. Для начала этой же ночью Александр решил узнать, как охраняется терем боярина. Обошёл владение, слева имеется проход между забором боярина и оградой соседа. Почти на каждом квартале такие есть, для пеших горожан, а ещё защиты от пожаров. На Руси, особенно в лесных районах, лес — самый подходящий материал для строительства. Экологически чистый материал, но об этом качестве жители понятия не имели. Главное — доступен, дешёв, возводится изба быстро, хорошо держит тепло зимой, дышится в деревянной избе легко, опять же запах приятный. Но

и недостатки есть — горюч, подвержен разрушительному действию всяких жучков-древоточцев.

Александр осмотрелся. По ночному времени прохожих нет. Только слышно постукивание деревянных колотушек сторожей-обходчиков. Каждый квартал выставлял своих как защиту от грабителей, разбойников, воров-домушников.

Он взобрался на забор. Глаза к темноте уже адаптировались. Справа темнеет громада терема, слева — хозяйственные постройки заднего двора. Перелез на плоскую крышу амбара, улёгся. Если есть собаки, уже учуяли бы или услышали лёгкий шум. Однако не любили псов на Руси, их держали немногочисленные богатеи для псовых охот. Лежал долго, даже замёрз, одежка весенняя, но Владимир не Сочи. Показался сторож боярский. Позёвывая, неспешно обошёл хозяйские владения и скрылся в небольшой избе для прислуги. О, не бережётся боярин, видно — не пуган. Другой бы пару-тройку вооружённых мордovorотов нанял, чай, деньги позволяют. Скуп боярин, но жадность его боком выйдет. Александр перелез осторожно с крыши на забор, спрыгнул и, прячась в тени изб, вернулся на постоянный двор.

Спал до полудня, потом на торг отправился. Торговцы снадобьями, знахари и прочие ведуны наряду с травами, сушёными жабами и тараканами продавали в горшочках земляное масло, как называли сырую нефть. При болях в суставах её втирали в больное место. Везли её купцы из южных стран. Но Александр знал из истории, что нефть входила составной частью ещё в древние времена в «греческий огонь», которым с успехом пользовались даже римляне.

Уже в комнате задумался. Чем и как поджигать? Можно использовать кремень, кресало и трут. Но для высекания искры требуется бить кремнём о кресало. Ночью звуки разносятся далеко, удары может услышать сторож. Эх, как не хватает в этой жизни простых вещей — спичек или зажигалки. Взгляд упал на лампадки перед образами. Вот источник, но как его донести? Любой ветерок погасит маленькое пламя, да и виден огонёк в ночи. Снова отправился на торг, приглядывал железную коробочку, куда могла бы войти лампадка. А потом случайно увидел масляный фонарь, да с дверцами. Самое то, что доктор прописал!

— Это для чего такой? — удивился Саша.

— Для корабельщиков, чтобы лодью или ушкой на судовом ходу ночью обозначить.

— Дай посмотрию.

У фонаря сверху кольцо, подвесить. Корпус из латуни или бронзы, железный в сырости заржавеет быстро. С четырёх сторон оконца слюдяными пластинками прикрыты как защита от ветра, и оконца эти прикрываются дверцами. Внутри масляный светильник в закрытом сосуде, сверху фитиль.

— А как же зажигать?

— Откинь дверцу, потом слюдяное окошечко. Сосуд достань, масла налей да угольком из печи зажги. Удобно, быстро, на ветру не гаснет.

Александр спросил цену, без торга монеты отсчитал. Вот повезло-то! Ничего выдумывать не надо. Осталось фонарь маслом заправить и в горшочки с земляным маслом тряпицы вставить, маслом пропитать. Получится допотопный вариант «коктейля Молотова». На постоялом дворе заперся в комнате, подготовил всё. Потом мысленно всю операцию проделал. Упущение! Как горшочки и фонарь нести? Не в руках же! Опять на торг, купил торбу, из которых лошадей овсом кормят. Навроде мягкого ведра с ручкой. Вот теперь всё. Время поджигало, со дня на день Фадей явится, о выходе на ушкуе с купцом объявит. Уже за

полночь фонарь зажёт, в торбу поставил, рядом с горшочками. Рискованно, всё содержимое торбы разом вспыхнуть может. Две торбы брать надо было, да опыта поджогов нет. Но на будущее учесть следует.

Окольными путями, по глухим переулкам добрался до владения боярина. Знакомым путём перебрался через забор на крышу амбара, залёг. В доме боярина ни одно окно не светится, тишина. Глухая ночь, предположительно часа два полуночи, когда сон самый крепкий. Луна за облаками прячется, полная темень. Как и в прошлый раз, появился сторож, обошёл двор, скрылся в избушке для прислуги. Пора действовать. Ох и неудобно спускаться с торбой в руке! Пришлось ручку в зубы взять, чтобы руки освободить. Направился к терему, к дальнему углу. Горшка с нефтью два, и поджечь он решил сразу в двух местах, чтобы наверняка. Боярин уже в изрядных летах, маленьких детей нет, а если сам погибнет, невелика потеря. Зачем предателя собственного народа жалеть?

Поджог тряпицу, опущенную в горшок с нефтью, от фонаря. Огонь красный, чадный. С размаху треснул горшком о стену, нефть потекла по брёвнам, вспыхнула разом. Теперь надо торопиться. Он, уже не таясь, помчался к другому углу. Снова поджог тряпицу, разбил горшок о стену. Хотел отшвырнуть масляный фонарь, вовремя одумался. Вещь хорошая, в хозяйстве нужна. Сунул его в торбу, перекинул ручку через плечо и к калитке. Изнутри во всех хозяйствах на задвижку запиралась. Открыл, выскочил на улицу. Пламя уже освещало дом, но тревоги никто поднять не успел. Сначала побежал, но стук сапог разносился далеко. Не хватало только привлечь внимание сторожей. Перешёл на шаг, с мостовой на тротуар сошёл, квартал миновал, когда сзади крики послышались. Обернулся, увидел отсветы огня. Дело сделано, улыбнулся довольным. В глухом переулке достал из торбы фонарь, открыл дверцу, задул огонёк. Потом почувствовал исходящий от пальцев запах, очень характерный, нефтяной. По переулку к ручью спустился, оттирал песком и илом пальцы, водой обмывал. На постоянный двор вернулся в хорошем расположении духа. Дремавший за стойкой слуга приоткрыл глаза, узнал постояльца, снова смежил веки.

После бессонной ночи спал долго. Утром спустился в трапезную позавтракать, а там только и говорят о случившемся поджоге. Одно уяснил Саша — погибших нет, терем сгорел дотла, а боярин в отъезде. Ну, вернётся, будет для него сюрприз. Поев, отправился к пожарищу. Вокруг любопытствующих полно. Саша потолкался в толпе. Сочувствия боярину не высказывал никто, видимо, тот ещё кровопиец. А с другой стороны — богатых и облечённых чинами на Руси никогда не жаловали, будь он хоть трижды честным.

А через два дня Фадей пришёл.

— Репьёв к выходу готов. Отплытие завтра. Сегодня его люди ушкой грузили. Видел я посудину. Не новое судно, но дебёлое.

В Рязани Александр не был никогда. Столица независимого Рязанского княжества, своего рода форпост на границе с Диким полем. И достаётся рязанцам от набегов степняков сильно. А ещё рязанцы с Москвой враждуют из-за Коломны. Город Рязани принадлежит, но стоит на слиянии Москвы-реки и Оки, место удобное, перекрёсток водных транспортных путей. Жадная Москва Коломну под себя подмять хочет, из-за чего почти регулярно стычки случались. Отошла Коломна к Москве значительно позже, как и всё Рязанское княжество, а Москва возвысилась после татарских набегов. Владимир же постепенно утратил влияние, стал из столичного губернским городом.

Утром Александр уже стоял на бревенчатом причале. Всех опередил. Сперва команда заявила, потом Фадей, последним — сам купец. Перекрестясь и сочтя молитву, отплыли.

Сперва вёслами работали, потом течение подхватило. За рулевым веслом кормчий стоял, знавший реки как свои пять пальцев. Купец к рулю встать не рискнул. И перекаты, и отмели встречаются, не зная фарватера, легко судно на мель посадить. А ещё по рекам плоты сплавляют, от них подальше держаться надо. Летит такая громадина, а рулевых вёсел всего два — на носу и на хвосте плота, а длиной он в четверть версты, в повороты реки вписывается с трудом. Плотогоны у рулевых вёсел, приплясывая на брёвнах, кричат встречным судам.

— Поберегись! Держись к берегу!

За четверо суток под парусом, гонимые попутным течением, добрались до Оки. Широка и полноводна река, кораблики снуют вверх и вниз. Но теперь идти до Рязани против течения. И ветер, как назло, стих. Вся команда, кроме кормчего и купца, за вёсла сели. Ушкуй, гружённый товаром, тяжёл, глубоко в воду осел, под вёслами против течения выгребает медленно. На стремнине, посредине реки, течение самое быстрое, поэтому все суда, идущие в сторону Рязани, жмутся к правому берегу, там течение не такое сильное. Суды, идущие вниз, несутся посредине. Купцы с судов перекрикиваются, приветствуют знакомцев, предупреждают об опасностях на пути.

— Митяй, у Ефаново плот разбился, осторожнее будь!

В низовьях Оки на ночёвки приставали только к левому берегу, там земли Рязанского княжества. По правому — земли мордвы. Язычники, народ дикий, зачастую на территорию княжеств Рязанского и Владимирского набеги творившие. А позже и вовсе союзниками татар ставшие.

Через неделю плавания, утром, когда отчаливать от берега собирались после завтрака, увидели судно. Гребцов не видно, парус не расправлен, судёнышко боком несёт да на ушкуй. Кормчий на нос ушкуя взобрался, рупором ладони сложил, кричит.

— Эй, на лодье! Есть кто живой?

На корме лодьи голова показалась, человек крикнул в ответ.

— Померла вся команда в одночасье, один я остался, обессилел.

— Что за напасть?

— Чёрная смерть!

Лодья в нескольких аршинах от ушкуя прошла. По спинам ушкуйников холодок пробежал. Чёрной смертью, или моровой язвой, называли чёрную оспу, болезнь заразную, смертельную. Команда некоторое время пребывала в шоке, смотрели вслед лодье. Никто не двигался. Откуда лодья следовала? Не в Рязани ли беда? Кормчий и купец обеспокоились. Отплыв, спрашивали у встречных судов, всё ли благополучно в Рязани? Болезни страшные, неизлечимые периодически выкашивали целые города, а то и районы. Князя с дружинами, как могли, старались сдержать эпидемии. Деревни вместе с трупами погибших сжигались, а буде и оставался кто в живых, не выпускались. Ни лекарей грамотных, ни тем более лекарств от сих эпидемий не существовало. Считалось — кара Божья за прегрешения. А разносчиками зачастую были судовые команды, особенно идущие на Русь по Волге с Каспия, с южных стран. Русские великую реку и транспортную артерию Волгой называли, татары, ногайцы и прочие народы — Итилем.

Но никаких тревожных сведений команды встречных судов не доносили, и ещё через неделю ушкуй прибыл в Рязань. Сначала всё судно окурили от болезных напастей, потом мытарь на борт взошёл, товар в трюме осмотрел, мыто взял. И только после этих обязательных формальностей ушкую разрешили встать у городской причальной стенки.

Купец сразу амбалов и возчиков нанял, товар на городской торг перевёз. Чтобы размяться и город посмотреть, Александр с купцом вызвался. Тюки с товаром в лавку арендованную перекидать — дело нехитрое. Пока возились, вечер настал. По тёмному времени ночевали на судне. А утром Александр на торг отправился. На торгу все новости — городские и княжества — узнать можно. Городские Сашу интересовали мало. Но разговоры купцов его насторожили. Один только прибыл с обозом из Крыма. Баял, что в степи не видно окрест дороги пасущихся стад. Новость тревожная. Так бывает, когда Орда готовится к набегу. Стадо коннице будет мешать пройти, а главное — бараны да табуны траву съедят подчистую. Чем тогда лошадей нойонов и мурз кормить? Стада — главное богатство степняков. За каждым родом, улусом, закреплены пастбища. Выел скот траву, перегонят на другое, а на прежнем месяц живности нет, пусть трава подрастёт.

Новость Александр оценил, по торгу два дня ходил, слушал людей. Но вербовщиков не встретил. Странно. Муром — тоже рязанский город, а там они есть. Боятся в столице княжества опасным промыслом заниматься? Рязанский народ с охотой торговал с людьми княжества Владимирского, но кровь в княжеских усобицах проливать не жаждал. На торгу рязанском много товаров было из земель южных — из Крыма, Персии, даже далёких Византии и Генуи, Венеции.

Пряности, ковры, железные и стеклянные изделия, ткани. Александр смотрел, любовался количеством и расцветками, но не покупал. Своего дома нет, зачем обраться вещами, да ещё в ожидании возможного нападения басурман на Русь.

Репьёв распродал товар за неделю, ещё три дня покупал новый, уже для распродажи во Владимире, и вскоре ушкой пустился в обратный путь, который оказался приятнее и легче. Плыли по течению, да с попутным ветром, ходко. От безделья команда играла в кости на носу судна. И только когда повернули с Оки на Клязьму, пришлось потрудиться.

За несколько свободных дней Александр с Фотием повидался, дал коню нагрузку, чтобы не застоялся, кровь разогнал. Так и пошло. Репьёв привозил товар во Владимир, разгружался. Подросший сын и жена торговали в лавке. Купец же закупался товаром и плыл в дальние города. Александр успел, кроме Рязани и Муром, побывать в Костроме, Москве, Коломне, Пскове, Белоозере. И везде народ жил спокойно — убирали урожай, ткали лён, торговали, рожали. Август начался, последний летний месяц. А нападения татар нет. Александр уже думать стал, что нашествие — плод его разыгравшегося воображения. Тогда выходит — зря терем боярина сжёг. Начались душевные переживания — урон Антипу Онуфриевичу нанёс незаслуженно. Хоть иди и винись. Впрочем, нет, дудки. Если татары не пришли, заговор-то против князя Дмитрия был, не пригрелся, как и письмо от Егора боярину. И переворот княжеский ещё вполне случиться может.

Вернувшись во Владимир, купец расплатился. Фадей и предложи:

— Давай завтра посидим, медов стоялых попьем или пива, убоины поедим. Надоел кулеш, стряпни хочу.

— Я не против, после полудня.

— О, слышу слово мужа достойного.

Утром Александр в монастырь отправился, к Фотию. Поговорили, поделились новостями. Александр предложил посидеть в трапезной, за кружкой мёда стоялого, покушать.

— Смушаешь прелестями мирской жизни? Узнает настоятель, назначит тяжкие послушания. Зазорно мне, не пойду.

— Как хочешь.

Александр немного обиделся. Не хочешь — не выпивай. Посиди, покушай вкусных блюд, поговори. А то получается, Фотий — праведник, а Саша с Фадеем — горькие пьяницы и обжоры не хуже Гаргантюа.

После полудня встретились с Фадеем. Медов не пили, зато пива жбан заказали. Прохладное, густое, вкусное. А под пенный напиток, не спеша, копчёную белорыбицу уговорили. Да не всю, целиком её только команда ушкуя съест. К белорыбице каравай пшеничный заказали. На судне вместо хлеба сухари, о которые зубы сломаешь, если в похлёбке не размочишь. Аппетит приходит во время еды. Жбан опорожнили, заказали ещё, а к пиву жареных окуней в сметане. В общем, к вечеру уже хорошие были, пообнимались, ровно родня, разошлись.

Вроде не крепкий напиток пиво, а захмелел Александр сильно. Кое-как разделся, на постель рухнул. Проснулся от колокольного звона. Или в голове гудит. Да нет, колокол бил с равными промежутками. Не так, как к молитве призывает или на церковные праздники. Одедся, спустился в трапезную, поинтересовался у хозяина.

— По какому поводу колокол звонит?

— Да не звонит, набат это, людей созывает.

— Куда?

Саша чувствовал, что тупит, но ему простительно, не все обычаи знал, традиции.

— Выпил ты вчера, гость дорогой, много, — покачал головой хозяин заведения. — На соборную площадь, конечно. Случилось что-то важное, князь народу сказать хочет.

Саша вышел на улицу. Народ вправо шёл, к площади. Саша в толпу влился. После вчерашнего в самом деле соображал туго. Собралось много жителей — и мужики, и бабы, и даже дети. На ступеньки перед собором вышел князь, в красном княжеском корзно как символе власти. Говорил громко, но даже до середины толпы его голос не долетал. Люди стали передавать услышанное дальше. Александр понял — басурмане двинулись в поход на Русь и уже близко. Князь призвал всех мужчин идти в ополчение, торговым людям на случай возможной осады города завозить съестные припасы. Говорил долго, но получалось, как в игре в испорченный телефон. Князь сошёл со ступеней. Народ не расходился, обсуждал услышанное. Кто-то сказал, что воинство татарское ведёт Дюдень, брат ордынского хана.

Для Александра услышанного было достаточно. Надо готовиться к битве. Стал проталкиваться через толпу к переулку. Кто-то толкнул в бок, потом схватил за локоть. Саша резко обернулся, хотел отругать грубияна, а увидел Фаддея.

— И ты тут?

— А где мне быть, если набат созывал?

Протолкались вместе.

— Что думаешь делать? — спросил Саша.

— Воевать с нечистыми, всё же я владимирский. Моя земля, и уступать её я никому не намерен.

— И я тоже.

Новый хан Золотой Орды Тохта направил войско во главе со своим братом Туданом, прозванным на Руси Дюденем, на славянские земли. Орде нужны были рабы для работы и продажи, золото, скот. И самой лакомой добычей были русские. Да ещё и союзник объявился — князь Городецкий Андрей Александрович. Дружина его невелика, но они местные, знают все дороги и броды, могут провести кратчайшим путём.

Не без проводников из охочих людей Андрея татары перешли через Самарский перевоз, как называли тогда брод. И время в конце лета выбрали не случайно. Травы стояли по пояс, будет чем лошадей кормить. Тёплой одежды не надо. А главное — русичи успели убрать урожай. Зерно сгодится для лепёшек, а ещё мёд есть и воск, овощи.

Сначала пал Муром, как самый первый на пути ордынского войска к Великому княжеству Владимирскому, тут же в Рязань и Владимир поскакали воины с застав — предупредить князей о надвигающейся опасности.

Глава 2

Нашествие

Несколько дней город жил суетно. Люди, уже имевшие опыт набегов и осад, прятали ценности, у кого они были. Кто побоязливее и осторожнее, вывозил свои семьи в отдалённые деревни в надежде, что не доберутся татары в глухомань. Фадей зашёл к Александру. Не успев поздороваться, начал возмущаться.

— Представляешь! Репьёв-то семью свою и рухлядь на ушкуй погрузил и сегодня утром отбыл. Я случайно на пристани был, его видел. Каково, а?

— Его дело.

— А кто город оборонять будет, если все, как крысы, разбегутся?

— Ты, я, сотни других.

— Это верно, не все такие.

— Если по уму-разуму, лучше бы всем семьи вывезти, и подальше.

— Это зачем?

— Если город осадят, чем меньше жителей, тем меньше провизии уйдёт, дольше продержаться можно.

— Так-то оно так. Но если семьи в городе, дружинник или ополченец биться с врагом упорнее будет, есть что защищать.

Александр Репьёва не осуждал, потому как знал из истории, что падёт город. И не только Владимир разрушен и сожжён окажется, а и десятки других городов — Юрьев, Муром, Суздаль, Переяславль, Углич, Ростов, Москва, Коломна, Ярославль, а уж более мелких, но не менее значимых, как Стародуб, или Романово, или Молога, не счесть. И людей погибнет несчитано, не меньше, чем при нашествии Батыя. В памяти людской и истории надолго останутся три крупных нашествия — Батыя, Тудана и Неврюя.

Князь и жители полагали, что есть ещё запас времени, успеют подготовиться. Но войско Тудана, как и всегда монголы, передвигалось стремительно. Пока часть нукеров брала штурмом Муром, основное войско шло вперёд. А главное — у каждого воина в поводу два-три запасных коня. Воин прямо на ходу пересаживался на другого, и скачка не останавливалась. Если русский конный дружинник проходил за день тридцать вёрст, то монгол — сто.

Появление чужих воинов на противоположном берегу Клязьмы было внезапным. Знали, готовились, но не так скоро. Стал бить набат, забегали жители, крик поднялся, суета. Случилось это в полдень. Городские ворота заперли, дружинники и ополченцы на городские стены взобрались, наблюдают. А басурмане прятаться не думали, вели себя по-хозяйски. Разбили несколько походных шатров для военачальников, костры развели, стали баранов резать, похлёбку варить. Добычи на русских землях уже много взяли, несколько больших обозов с трофеями уже в Сарай отправили. А ещё пленников множество, тысячи. Из рабства и плена никто никогда не возвращался, но редкие случаи были, когда родня выкупала. Или дворянина или военачальника князь. Дорого получалось, но татары деньги ценили больше человеческой жизни. Пленники умирали от недоедания, тяжёлой работы, замерзали. Но на смену умершим или убитым приводили новых. Бежать пытались, особенно летом, но пройти мимо дозорных в степи, где видно далеко, невозможно. А ещё пастухи вылавливали беглых

рабов, получая вознаграждение. Одолеть тысячекилометровый путь от низовьев Итиля до Оки или Клязьмы, до русской земли, без подготовки, без коня нереально.

Войско басурман попыток переправиться не делало. Да и зачем? Разведку провести? Так дружинники и охочие люди князя Андрея город знали, как и его слабые места в обороне. Отдыхали после долгого перехода, пока мурзы, как назывались у татар бояре, совещались в шатре Тудана. И князь Андрей Городецкий там был, предатель и изменник. Разглядели народ и дружинники со стены князя и воинов его во вражеском стане, негодовали, посылали проклятия.

Александр с Фадеем тоже были на стене. У Саши буря чувств в душе. Предупреждал же он Дмитрия, что единоутробный брат его затевает заговор. Князь не сделал ничего — и вот результат. Конечно, остановить Дюденеву рать на подступах к городу невозможно ввиду значительного перевеса в силах. Но каким-либо образом вывести из игры Андрея надо было. Или братские чувства не позволили? Да что об этом рассуждать, когда поздно. Жаль, что из-за бездействия князя много народа погибнет, в основном мужчины, а женщины и дети будут уведены в полон. По мнению Александра, уж если получил власть, то и ответственность за вверенный тебе народ надо нести.

До вечера никаких событий не происходило, к вечеру ополченцы разошлись по домам, дружинники по очереди несли службу. Памятуя о десятке Пафнутия, Саша в безопасности себя не чувствовал. По приказу боярина Щепкина десятник мог открыть врагу ворота. Другое дело, что басурмане ночью не воевали. Они считали, что ночью боги им не помогают. А ещё не могут быть задействованы лучники, цель не видна. А лучники — главная ударная сила. Перед тем, как войскам противоборствующих сторон сойтись, татары пускали вперёд лучников. Те, не останавливаясь, крутили перед противником «карусель», непрерывно осыпая стрелами. Опытный лучник за минуту мог выпустить до десятка стрел, а за второй заход и вовсе опустошить колчан. Стреляли метко, луком учили владеть с малых лет, и через десяток лет лучник мог попасть в птицу в полёте. Почти каждая стрела находила жертву — всадника или коня. Бой ещё не начался, а у противника большие потери. Противник не выдерживал, начинал атаку, лучники успевали проскочить в коридоры, оставленные своими. Противник начинал теснить, ибо татары ставили немногочисленное войско. Татары бросались наутёк, но это была замануха. Противник, воодушевлённый бегством татар, начинал преследование, строй его расстраивался, вытягивался. Основные силы басурман нападали из засады с двух сторон, окружали, и начиналось «избиение младенцев». Такую тактику выработал ещё Чингисхан, и все последующие владельцы Орды придерживались старых, но не дающих осечек традиций. Знал ли об этом князь Дмитрий? Хорошо уже то, что он не вывел дружину в чистое поле. За стенами обороняться проще. Во все времена потери штурмующих были в три раза выше защитников.

А на следующее утро татары начали переправу. Александр видел этот цирк в первый раз. Кони плыли, татары одной рукой держались за их хвосты, а другой — за надутые бурдюки. Десяток минут — и татарин уже на этом берегу. Сверху, со стены, казалось — вся река заполнена людьми и конями. Народ на стенах устранился, татар были тысячи, а может, и десятки тысяч. Коней и татар сносило течением, и они выбирались на берег ниже города по течению Клязьмы.

Переправа — самая уязвимая часть марша. Сейчас бы князю с дружиной напасть, пока татары в воде, не дать им выйти на берег. Но князь не решился. Пусть победа была бы мала. Мурзы, оценив потери, переправу отменили бы, нашли другое место подальше от города, где

не встретили бы сопротивления. Но такая победа, тактическая, не нанеся татарам большого урона, оказала бы важное психологическое действие, воодушевила. Татары переправлялись деловито, нагло, как будто и не было рядом города и защитников. Александр почувствовал себя оскорблённым. Татары их ни в грош не ставят. Закипела кровь и не у одного его.

Но без веления князя открывать ворота и выходить на битву нельзя. Военачальник должен быть один, а он медлил, проявляя нерешительность. На глазах у негодующих русских ратников за день почти всё войско басурманское перебралось на берег, захватив изрядный плацдарм. Александр, видя активные действия неприятеля и полное бездействие князя, аж зубами от злости скрипел, желваки так и ходили на скулах.

И снова ополченцы вечером разошлись по домам. У каждого семьи, похлебать горячего да потешиться с супружницей. А рано утром набат поднял. Александр подхватился, оделся в несколько секунд. Натянул кольчугу, шлем на голову, в левую руку щит, саблей опоясался, выскочил на улицу. К стенам уже ополченцы бегут. А поздно! Рано утром продажные дружинники вроде Пафнутия открыли ворота. Явно стовор был, потому что отряды татар тихо ринулись в город, начали растекаться по улицам. Кто жил ближе к воротам, проснулись уже в тылу у татар. Вот и сейчас впереди крики раздались, звон оружия. Многие, как и Саша, в недоумении. Что за драка, с кем? А уже видно, как татары рубят ополченцев. У защитников из народа оружие самое разное, у кого сулица — короткое копье, у кого меч ещё дедов. А шлемы или кольчуги редко у кого, как и щиты. Опять же выучка сказывалась, опыт. Татары разбоем жили, навык не терялся. А что спросить с офени или кожемяки, которые оружие раз в год держат в руках, да и то, чтобы от ржавчины очистить и смазать. Но нашлись несколько умельцев, схватившихся биться всерьёз, и вооружены были достойно. И Александр подоспел. Перед ним басурманин, а лицом вовсе не татарин. Татары европейское лицо имеют, кожа белая, глаза с широким разрезом. А у этого кожа медно-коричневая, скуластый, глаза как щёлочки. Настоящий монгол, степняк бог знает в каком колене. Враг взмахнул саблей, а Александр применил один из приёмов крестоносцев. Вскинул щит и ударил его краем в лицо монголу. Послышалось или в самом деле хрустнули кости? Монгол по инерции ударил саблей, попал по щиту, закричал и рухнул. Удар щитом не такой силы был, чтобы убить. Рядом скалит зубы ополченец с сулицей. Во время скоротечной схватки, когда Саша ударил монгола щитом, ополченец всадил сбоку рожон сулицы. Рожон — железный наконечник копья. На сулицах он невелик, в ладонь длиной, а на копьях дружинников в две ладони. Правда, на охотничьих рогатинах, с которыми на медведя ходят, такой рожон в локоть длиной, да с перекладиной. У одного ополченца Саша рогатину видел. Мощное оружие, такое против конницы применять с успехом можно, любого коня сдержит, убьёт. В уличном же бою слишком неповоротливо из-за длины избыточной.

А сеча на улице продолжается. На Александра седуусый монгол напал, глаза ненавистью горят. Рубился монгол яростно, саблей бил без перерыва, Саша только успевал под удары то щит подставить, то саблю свою, выжидая момент. Слева кто-то хекнул, и по голове монгола ударил топор-клевец, войдя в череп по рукоять. Оружие такое топором называется за схожесть. Вместо широкого лезвия, как на обычных топорах, у него четырёхгранное остриё, подобное клюву, отсюда и клевец. Ни одна защита — ни кольчуга, ни зеркало, ни кираса — от такого удара не защитит. Один недостаток — оружие ближнего боя из-за короткой рукоятки. Длиннее, чем у плотницкого топора, но мечу или сабле уступает.

Монгол рухнул, а на его место молодой заступил. Завизжал что-то, саблей взмахнул,

Александр нанёс тычковый удар клинком в лицо, без замаха. И этот рухнул замертво. Шум стих. Саша осмотрелся. Десятка два монголов убиты, но и ополченцев не меньше полегло. Ещё десятка два живы, по сторонам озираются. Без командира любое воинство — сброд. Александр скомандовал.

— Подобрать оружие и щиты у убитых.

Подействовало. Кто саблю взял, кто щит, а двое расстегнули ремешки, сняли шлемы, на свои головы одели. Жаль, шлемов было всего два, шишаки. На улице монголов не видно, но впереди, на перекрёстке, в полусотне метров, видны сражающиеся.

— Вперёд! Бей, руби, коли! — заорал Саша и бросился к перекрёстку.

Ни один не остался, побежали за ним, топот сапог, воинственные вопли. Врубились в татар с фланга. Александр с ходу срубил одного, зачал биться с другим. Монгол роста невысокого, но в плечах широк, силён. Сабельные удары сильные. Саша подловил момент, нанёс удар, монгол щитом прикрылся, приоткрыв нижнюю часть. Саша сильно пнул его носком сапога в колено. От боли, неожиданности монгол рухнул на колено, и Александр ударил его саблей по шее сбоку. У монгола на голове плоский шлем — мисюрка, грива из конских волос. Сабля дамасская часть шеи монгола разрубила, а снести голову волосы помешали, не хуже стальной бармицы. Пришлось вторым ударом добить. Зато Саша уяснил сразу. Не для красоты у монголов пучки конских волос на шлемах, для защиты. Потому удары сзади по шее наносить не стоит. Всякий опыт — сын ошибок трудных. И ещё обратил внимание — монголы наносят рубящие удары сверху, а колющие — нет. Кривизна сабли не позволяет или учили так? Надо воспользоваться. В бою анализировать некогда, тело само действует — глаза, руки, всё получается как бы механически. Понятно, сказываются опыт и приобретённые навыки.

На Сашу напал монгол. На его круглом щите намалёваны красной краской какие-то буквы или символы. Александр тогда не знал, что перед ним уйгур, одна из союзнических наций монголов. Монголы не имели своей письменности, а уйгуры обладали ею, и в армии монголов их зачастую использовали как писарей. Народность малочисленная, письменности их никто из европейцев не знал и перехваченное письмо или приказ хана или мурзы прочесть не мог. Для Александра что монгол, что уйгур — на одно лицо. Противник нанёс несколько ударов саблей сверху, неожиданно для самого себя Саша упал, ударил саблей по ноге врага, не прикрытой бронёй, отрубив её ниже колена. Уйгур рухнул, и Саша добил его колющим ударом. Вскочил, а со стороны ворот к перекрёстку, где идёт бой, бежит новая группа монголов. Через секунды ополченцы окажутся зажатыми в клещи превосходящими силами. Надо делать ноги.

— За мной! — приказал Александр.

Перескакивая через мёртвые тела, побежал к монастырю, до него недалеко, метров двести. За Сашей побежали другие. Лишь бы монахи открыли дверь в воротах, иначе преследующие ополченцев татары перебьют их под стенами. Видимо, монахи наблюдали со стены. Перед ополченцами распахнули дверь, и все владимирцы успели заскочить в монастырь. Дверь тут же закрыли. Ополченцы хватали воздух открытыми ртами. Такой спринт, да с оружием, после сечи, был серьёзной нагрузкой.

Привратник Фома Александра узнал.

— Тяжело в городе?

— Татары прорвались. Думаю — открыл им кто-то ворота.

На стенах монастыря монахи с оружием. У кого лук и колчан за спиной, у других мечи,

сулицы. Монастыри были не только оплотом веры, но и своеобразными крепостями на наиболее вероятных путях продвижения врагов что на северах русских, что на южных рубежах, что у городов древних. Почти все имели толстые высокие каменные стены, прочные ворота. Многие из чернецов в монастырях сами воинами когда-то были, умели держать оружие в руках. С появлением пороха и пушек на Руси все монастыри обзавелись новым оружием. В монастырях при нашествии неприятеля укрывались местные жители, для этого имелись запасы провизии длительного хранения — сушёное мясо, вяленая рыба, сало, мука, сухари, соль. В каждом монастыре источник воды — родник или колодцы, и жажда защитникам не грозила. Татары на Владимир напали рано утром, без длительной осады, и жители близлежащих кварталов в большинстве своём не успели укрыться в монастыре. По крайней мере, Александр увидел небольшое их число во дворе.

Монголы, поколотив в ворота ногами, ушли. Монастырь никуда не денется, надо успеть взять трофеи в городе, пока их не забрали другие. Жалованье нукеры ордынские не получали, и трофеи — важная часть их дохода, смысл войны.

Отдыхались. Александр обрадовался, что вышел из мясорубки живой и даже не ранен. А ополченцев погибло много, сам видел убитых. Если кто и ранен был, татары после боя, по своему обыкновению, добивали. Учитывая, что противники превосходили в силах многократно — повезло редкостно. Рядом Фотий появился, в рясе и с сулицей в руках. Вид нелепый. Ему какое оружие подай, обряди в кольчугу, щит в руки, а всё равно видно — не вояка. Потому что лицо благородное, смиренное. А главное — глаза не воина. Жестокости в них нет, готовности врага убить. Умереть за веру, за город или страну — дело нехитрое. Не умирать надо, врагов убивать нещадно, тогда ни у какого врага мыслей не возникнет напасть. Убей два, десять, сто врагов — мечом, копьём, стрелой, да хоть зубами загрызи! Тогда умереть можешь.

В монастыре, во дворе, развели костёр, в большом котле стали кашу варить. Едоков-то прибавилось. К Александру настоятель Иов подошёл.

— Тебя, если не запомнил, Александром нарекли?

— Так и есть.

— Кто у вас старший?

Александр замешкался, а ополченцы на него руками показывают.

— Он и есть.

— Тогда распредели своих воинов по стенам, пусть караул несут. Если что надо — к ключарю Варфоломею обратись. Он из бывших десятников суздальских, за оборону монастыря отвечает.

— Понял, отец настоятель.

— Да храни вас Господь!

Наместник перекрестил ополченцев. Александр скомандовал.

— Постройся в шеренгу по два.

Мужики долго толкались, но встали.

Саша пересчитал. Восемнадцать человек разного возраста. Оружие самое разнообразное, а у двоих его нет.

— Где оружие? — строго спросил Александр.

— У меня сулица была, ткнул басурманина в грудь, а вытащить не могу.

— А ты? — обратился ко второму.

— Топор был, потерял, когда убегали.

— Оружие воину терять — подобно измене! — возвысил голос Саша. — Без оружия ты не воин, а баба, баран на заклание! Найди ключаря Варфоломея, пусть подберёт что-нибудь, чем владеть умеешь. А впредь случится подобное, будешь порты да исподнее стирать.

Потерявший топор стоял, понунив голову. Саша продолжил.

— Первая шеренга, разделитесь по двое и на стены, стены четыре. Будете за басурманами наблюдать. В полдень вас сменят ополченцы из второй шеренги. В случае, если татары на приступ пойдут, сообщить старшему из монахов, подать сигнал, мне сообщить.

— А какой сигнал? — спросил кто-то.

— Кричать, бить в колокол или щит, шуметь одним словом. Кому оружие нужно — к ключарю. Вопросы есть? Нет, тогда первая шеренга в караул.

Александр сам пошёл к ключарю вместе с Никифором, как звали мужика, потерявшего топор. Варфоломей предупреждён настоятелем был, спросил только.

— Что из зброи надо?

Никифор высмотрел боевой топор. Ключарь кивнул.

— Владей.

Александр же увидел арбалет, а рядом пучок болтов к нему.

— Можно я возьму?

— Пользоваться умеешь ли?

— Владел.

— Тогда забирай.

Александр забрал. Сабля на стене монастыря пригодится только при штурме татарами, а арбалетом урон неприятелю со стены нанести можно. Отошёл в дальний угол, поставил деревянный чурбан в виде мишени, отсчитал сто шагов. Разобрался с рычагом для взведения тетивы, болт положил, прицелился, выстрелил. Промах! Болт выше деревяшки прошёл. А второй угодил в центр. Ага, надо при стрельбе учесть. Всё оружие — меч, щит, лук, арбалет — сделано вручную, и один образец сильно отличается от другого. Меч может быть короче или длиннее другого, иметь другую балансировку. Так же и арбалет. К каждому изделию привыкнуть надо, всё же не промышленная сборка. Впрочем, отличаются даже автомобили, собранные на конвейере.

Александр сам на стену поднялся, и увиденное его не обрадовало. Кое-где горели избы, и серый дым поднимался в небо. По всему городу крик, вой, стенания. То и дело пробегают татары, причём уже с узлами в руках, с награбленным добром. Один совсем недалеко. Александр зарядил арбалет, прицелился, нажал рычаг. Попал, ко всеобщей радости ополченцев и монахов на стене. Татарин упал, но его узел деловито подобрал другой, утащил. На монастырь никто из татар не обращал внимания, занимались грабежами. А через некоторое время по улице прогнали пленных, молодых парней и девушек. Все связаны одной верёвкой. И охраняет их один татарин с саблей наголо. Далеко, метров сто двадцать, если не больше. Не попасть. Но Александр стерпеть такого не мог. Зарядил арбалет, но его опередил монах. Вскинул лук, щёлкнула тетива, и татарин получил стрелу в брюхо. Пленники хотели разбежаться, да связаны. Кто-то сообразил, подошли к сабле, оброненной татаринном, саблей верёвку перерезали. Большая часть к монастырю побежала, а один парубок саблю себе забрал и кинулся в город. Монахи отворили дверь, впустили бывших пленников, на шее обрывки верёвок. Уже оказавшись в монастырском дворе, освободились от них. Девушки в слезах, сразу начали об обидах рассказывать. Парни потребовали оружие.

— А владеть им кто-нибудь умеет? — спросил один из монахов.

Потупились, молчат.

— Тогда камни на стены поднимайте. Если приступ будет, начнёте швырять в неприятеля.

Памятуя, как мамлюки подожгли ворота и проникли в Акру, Александр подошёл к ключарю.

— Надо бы арки у ворот камнями завалить.

— Это зачем же? Как людей, спасающихся от басурман, в монастырь впускать будем?

— Верёвками на стену поднимать.

— Ишь, чего удумал! Ворота дебёлые, а у татар таранов я не узрел.

— Долго ли их соорудить? Леса вокруг города полно.

Ключарь задумался, потом принял соломоново решение.

— Одни ворота, дальние, завалим, так и быть. А эти, что к городу выходят, не будем.

Хотя бы так. Всё же прислушался ключарь к словам Александра. Помощники из молодых парней встали цепочкой, стали камни передавать. За половину дня арка оказалась завалена камнями почти доверху. Конному не пройти, а человек по самому верху, где оставалось тесное пространство, протиснуться может. Но действовать у него не получится, а стало быть, копьём его заколоть можно, как жука. Стены монастырские не разрушить — толстые, мощные, если только камнемётами. Но эти устройства требуют для создания опыта и знаний. Сам камнемёт прост, из брёвен за день сделать можно десятку плотников. Секрет в жилах воловьих, которые скручиваются, придают рычагу скорость, как пружина. Такой камнемёт называется баллистой. Татары использовали в походах на Русь для разрушения стен или ворот крепостей камнемёт попроще. В Европе он назывался требюше, на Руси — порок. Похож на баллисту, но действует силой гравитации. Длинный, метров десять рычаг установлен на П-образной поперечине. На коротком плече находится большой тяжёлый камень, на длинном, в петле, метательный снаряд: камень, горшок с горящей нефтью или — для устрашения — отрубленная голова. Обычно порок метал камни весом в пуд на дистанцию 160–180 метров и укладывал их в круг диаметром в пять метров.

Первые пороки использовали татары в походе на Владимир в 1238 году, в том же году с их помощью захватили Торжок и Козельск. В усобных войнах князей пороки не использовались. Пороки применялись до 1426 года на Руси, затем их вытеснили пушки, первое упоминание о которых в Софийских летописях встречается в 1382 году, в Тверской — в 1389 году, в Псковской в 1394 году, а в Новгородской — в 1401 году.

Более суток к монастырю татары не подступались. Потом подскочил монгол.

— Эй, урусы! Отворите ворота и сдавайтесь.

— Испугал! — закричали со стены. — Попробуй взять нас!

— Бабай приедет к вечеру, настоящий шаман, служитель Тенгри. Пожалеете!

Всадник ускакал. К вечеру в самом деле явился бабай, по-русски «дед». Одевание странное — в шкурах, на груди ожерелье из клыков и костей медведя, в руках бубен. Начал кривляться, в бубен бить, приплясывать. Ну, вроде как отвара из мухоморов отведал. А может, и в самом деле так было. На его вопли и бормотание на забороле вещал Фотий. Заборол — площадка для воинов с внутренней стороны стены. Чернец громко начал читать молитву для защиты от дьявола и нечистых сил. Монах крест перед собой держал. Как Александр лучника татарского у изб заметил, сам не понял. А только рванул чернеца за подрясник, и тут же стрела просвистела, да мимо. Стоял бы Фотий, быть ему убиту. Ополченцы на такое злодейство обозлились, стали шаману кричать.

— Уходи, нечистый, а то стрелами посечём.

Видимо, не очень надеялся шаман на защиту своих духов или богов. Послал проклятия и ушёл. Спокойное время закончилось. А скорее всего, степняки город уже захватили и выпотрошили, подошло время монастыря. Там есть чем поживиться — оклады икон серебряные, церковная утварь — кресты, чаши и курительницы для ладана золотые, есть что взять.

Утром со стены крики караульных.

— Басурмане на приступ пошли! Все на стены.

Саша спал, не раздеваясь, в кольчуге, только шлем на ночь снимал да пояс с саблей. Прихватив саблю и надев шлем, взбежал на стену. К монастырю сотни две татар бегут, в руках лестницы держат. Не иначе — в городе собрали. Вокруг монастыря рва не было, что штурм облегчало. Татары лестницы приставляли и лезли. Да вот незадача, коротковаты лестницы, до верха стены не достают. А защитники уже камни вниз мечут. Не одного татарина покалечили или убили. Отступили татары. Но Александр понял — ненадолго, упрямый народ. И басурмане сделали попытку поджечь монастырь. Через стены во двор полетели стрелы с зажжённой паклей. Впрочем, вреда не причинили. Монастырские стены, здания и хозяйственные постройки из камня, не горят. Огненный дождь быстро прекратился, татары поняли тщетность попыток.

Наступило затишье, защитники успели покушать кулеша, запить сытом. И вдруг тревожные крики караульных, затем тяжёлый удар по дальним воротам, которые были завалены камнями. Чернецы и ополченцы бросились на стены. Татары соорудили примитивный таран — к бревну скобами прибили жерди и сейчас били в ворота. Настоящий таран с ударного торца всегда окован железом, подвешен на цепях к хребтовой балке, сверху дощатая крыша как защита от камней, смолы или стрел защитников крепости. Ничего этого не было. Но в полсотне метров от монастырских стен стоял отряд лучников, стоило чернецам неосторожно высунуться, чтобы оценить опасность, как двое из них сразу пали, пронзённые стрелами. Ключарь Варфоломей сразу закричал.

— Не высовываться, если не хотите живот потерять! Бросайте вниз камни!

Под словом «живот» понималась жизнь, а не часть тела. Защитники стали кидать камни со стены. Получалось вслепую, не видя противника. Но и сами недосыгаемы для стрел были. Тем не менее камни достигали цели, снизу послышались стоны раненых, вопли, ругательства. Татары уносили увечных, на их место вставляли другие, и таран продолжал бить. Был слышен треск и хруст. Варфоломей обеспокоился, сбежал со стены, за ним Саша. Полезли на груды камней, в щель между валунами и верхом арки. К удовлетворению обоих, ворота были целы. Камни подпирали ворота изнутри, вес их огромен, а дубовые, кованные железом ворота не поддавались. Саша с трудом пробрался к самым створкам, нашёл щель вверх, присмотрелся. Передний конец бревна, используемый в качестве тарана, был измочален. Вот откуда слышен хруст и треск. Он выбрался назад, кивнул Варфоломею.

— Целы ворота, ни трещинки. Камни их подпирают, с петель сорваться не дадут.

— На совесть деланы. А ты молодец, что с камнями подсказал.

Татары бросили затею с тараном, оставили бревно у ворот. Уже вечер, видимо, решили устроить передышку, обдумать, как монастырь взять. Он у них сейчас как бельмо в глазу. Защитники после ужина спать улеглись, караулы бодрствовали. Утром со звонницы, самого высокого места, сбежал чернец и к Варфоломею.

— Уходят басурмане!

— Не может быть! — не поверил ключарь.

И сам полез по крутым ступеням на звонницу проверить. Александр за ним увязался. Увиденное удивило. Конные татары выезжали из города, но не назад, в сторону Мурома, к Орде, а через Московские ворота.

— Не иначе к Переяславлю или на Москву пошли, — пробормотал ключарь.

— А не на Суздаль? Он ближе всего.

— Нет, то по другой дороге надо.

Александр и Варфоломей остались наблюдать. Оказалось — татары вышли не все. Через какое-то время ещё один отряд басурман вышел из города на Суздаль. А ещё остались во Владимире, мелькали на улицах и конные, и пешие.

— Дай Бог, отсидимся, — сказал ключарь.

— Твои слова да Богу в уши.

Александр не верил, что татары ушли. Какая-то часть, возможно, значительная, но не все. Как же — монастырь не ограбили, а там ценности. Ради чего тогда пришли? Он не ошибся. Ближе к полудню татары пошли на штурм. На сей раз они закидывали железные кошки и карабкались по верёвкам, на которых были завязаны узлы для удобства. Видимо, заставили делать кошки наших местных кузнецов, кто остался в живых. Штурмовали сразу с трёх сторон, разом, да много, не меньше двух сотен. Чернецы и ополченцы все на забороле, но их от силы семь десятков. Варфоломей кричит.

— Рубите верёвки!

У кого из защитников топоры, мечи, сабли были, принялись резать и рубить верёвки. А у кого сулицы, копья или луки были, подвели. Забрались к ним татары, бой на площадках закипел. Александр сразу туда кинулся. Стоит татарам захватить небольшой участок, туда подтянутся другие, расползутся, как тараканы, не выбить тогда, монастырь обречён будет. Налетел ястребом, одного монгола зарубил, второго ударил ногой, и тот рухнул внутрь двора, на камни. На него сразу девушки набросились, забили камнями и палками. Лучники татарские не стреляли, боялись своих задеть. Убитых басурман по возможности бросали со стен наружу, нечего им здесь смердеть. Александр троих зарубил, ополченцы не сдрейфили. Недостаток боевого опыта компенсировали отвагой, яростью. Штурм продлился недолго, не более часа. Татары понесли ощутимые потери, но ворваться на стены не смогли. Но и защитники потеряли убитыми полтора десятка да раненых столько же. Ещё два таких приступа, и монастырь защищать будет просто некому. Пока затишье, раненых перевязали, здесь монах Серафим отличился. А убитых, отпев, похоронили в дальнем углу, на монастырском кладбище. По всем традициям полагалось на третий день предать земле, но время неподходящее, война. И ещё неизвестно, останутся ли завтра живые защитники. В некоторых кельях монахи-затворники, старцы древние, немощные. Они в руках держать оружие не в силах, но молились усердно для победы над ворогом лютым, порождением дьявола, исчадием ада. До ночи больше попыток штурма не было. За ужином Варфоломей, сидевший рядом с Александром, наклонился и тихо сказал.

— Суздаль пал.

— Откуда известно?

— Я со стены дымы видел в той стороне, стало быть — ворвались.

Видел Суздаль издали Александр. Городские стены деревянные, как и избы внутри. В плане осады плохо, поджечь легко. Обычно татары сначала город захватывали, грабили, выносили всё, имеющее мало-мальскую ценность, уж потом поджигали. Видимо, суздальцы

сопротивлялись отчаянно, обозлили татар, что те подожгли город. Так позже в Козельске было. Небольшой город неоднократно за свою историю подвергался нападениям неприятеля, но держался всегда стойко, до последнего защитника, за что сожжён был и разрушен завоевателями многократно. Но, как птица Феникс, всегда восстанавливался. Упорство и отвага, достойные восхищения и примера.

По тёплому времени года почти все защитники монастыря спали на улице. В кельях прохладнее, зимой и летом почти всегда одна температура из-за толстых каменных стен. Александр уже засыпал, как кто-то тронул его за руку. Вскинулся он, открыл глаза — ключарь рядом, палец к губам прижал.

— Тс! Идём со мной.

Ключарь завёл его в жилое здание, где монашеские кельи были, зажёл свечу.

— Ты, я смотрю, человек надёжный и боец опытный. Чувствую я, монастырь продержится день-два, не больше. Стены хоть и надёжные, однако защитников мало.

— Ты к чему клонишь, Варфоломей?

— Покажу сейчас. Ты путь запоминай.

Хм, загадками говорит ключарь. Зрительная память у Саши хорошая. Поворот влево, прямо по коридору, потом вправо и по ступенькам крутым в подвал. Серьёзная дубовая дверь, здоровенный навесной замок.

— Подсвети! — Ключарь протянул Александру свечу.

Ключарь снял с пояса связку ключей, нашёл нужный.

— Вот этот, ты приглядывайся.

— Зачем мне?

— Позже поймёшь, сейчас запоминай.

Ключарь отпер замок, открыл дверь. Дохнуло тёплым, затхлым воздухом. Ключарь вошёл первым, за ним Саша. В подвале тоже коридоры, запертые двери, за которыми кладовки. Ключарь — как заведующий хозяйством в монастыре. Варфоломей дошёл до торцевой стены, тупик.

— Кирпич видишь? Вроде выступает из кладки слегка. Дави!

Александр надавил, что-то щёлкнуло, часть стены отворилась, образовав проём. Сразу потянуло сквозняком, пламя свечи заколебалось.

— Тайный ход? — догадался Александр.

— Угадал. На берег Клязьмы выходит, в овраг. Но о том никому. До сего времени о ходе знали двое — настоятель и я, теперь ещё ты.

— Ты мне для чего ход показал?

— Думаешь, для того чтобы сбежать в последний момент? Нет, важнее дело есть. Я приготовлю мешок, в нём главная ценность — Владимирская икона Божией Матери. Кресты золотые, чаши серебряные — всё тлен, восстановимо. Коли нас перебьют всех басурмане, уходи сюда и икону прихвати. Осторожно уйди, спрячь в надёжном месте. Рано или поздно, мыслю к зиме, уйдут татары, чернецы появятся. Вот им и отдашь. Что без образов монастырь или храм? Просто дом, каменный или деревянный, не суть главное.

— Подожди. Ты что, на себя не надеешься?

— Эка хватил! Ты моложе, круткий, видел я тебя в схватке. А у меня лета долгие за спиной. У тебя больше шансов выжить. Не о себе хлопочу, об иконе. Не должен образ сей в руки басурман попасть.

— Уяснил, исполню в точности, если сам жив останусь.

— Постарайся. И язык не распускай, тайну великую тебе доверил.

— Ответь на один вопрос. Почему я? В монастыре молодые монахи есть, послушники.

— Э, сам понимать должен! Чернец — он божий человек, к миру плохо приспособлен. А ты удачлив, это важно. Вон лечец наш, Серафим. Когда тебя осмотрел зимой, сказал — не должен ты был выжить, а ты вот он, передо мной стоишь. Стало быть — высшие силы к тебе благоволят.

Александр о такой стороне и подумать не мог. А Варфоломей запомнил и учёл. Вышли из подвала, ключарь двери запер.

— Ключ сейчас не дам, мне самому он нужен, кое-что в подвал спрятать. Заберёшь у меня, коли убьют.

— Да не хорони себя раньше времени! — возмутился Саша.

— Видение мне было, не переживу завтрашнего приступа.

Вот ведь странные люди, верят в видения, сон это просто! Однако всё сбылось, как предсказал ключарь, уже следующим днём.

Татары пошли на приступ. Забрасывали кошки на стены, а кроме того, принесли длинные лестницы. Монастырь штурмовали со всех четырёх стен. Несколько человек Александр сразил из арбалета, но в запасе было всего десяток болтов. Потом взялся за саблю. Бой отчаянный кипел, беспощадный, уже на самих заборорах. На месте убитого татарина возникал другой. Но ряды защитников таяли, татары стали с заборола спускаться уже во внутренний двор, стали связывать девушек. Им не повезло во второй раз попасть в плен. Александр осознал — это конец, монастырь будет захвачен с минуты на минуту, бьются только с десяток защитников. Поискал глазами Варфоломея. Видение ключаря оказалось пророческим, Саша увидел его лежащим недвижно с окровавленной головой. Спрыгнув с заборола для экономии времени, побежал к ключарю, сорвал с пояса связку ключей и к жилому корпусу. И едва не получил удар копьём в живот, рожон слегка оцарапал кольчугу, но кольца не прорвал. Глядь — а это Фотий.

— Бросай копьё, бежим!

— Я буду обороняться, в кельях старцы!

Объяснять ему было некогда. А убьют его татары быстро. Александр схватил его за запястье, жёстко, без варианта вырваться. Потащил за собой. Копьё мешало, цеплялось.

— Брось его!

Загремело железо. Стоп, без свечи или факела нельзя, набьёт в подвале шишек, заблудится, а дело не сделает.

— Фотий, где свечи?

А в закрытую Фотием на засов дверь уже стучат татары — ногами, кулаками, оружием. Фотий нырнул в боковую дверь, вышел с двумя свечами, одну успел зажечь от лампадки. Александр двигался вперёд. Поворот, коридор, спуск в подвал. Свет скудный, колеблющийся. Запертая дверь.

— Держи свечу ближе! — скомандовал Саша.

Из связки ключей выбрал нужный, отпер замок.

Фотий возмутился.

— Это хозяйство ключаря, без него входить не можно!

— Молчи за ради Бога, потом объясню! — взмолился Саша. — Ключарь убит, я сам видел его мёртвым, но он кое-что завещал мне сделать.

Вошли в подвал. Саша запер за собой железный засов. Татары, когда ворвутся в жилой

корпус, в первую очередь по кельям кинутся — грабить. В подвал побегут в последнюю очередь, если вообще до него очередь дойдёт. Саша быстрым шагом прошёл до торцевой, глухой на вид стены, нажал кирпич, щёлкнуло. Фотий, увидев открывшуюся дверь, онемел от изумления. За дверью, прислонённый к стене, стоял холщовый мешок.

— Бери его, неси осторожно, я первый пойду.

Фотий взял мешок, ощупал.

— Да здесь никак икона!

— Угадал. Мне завещал её сохранить Варфоломей, вечная ему память!

— Так бы сразу и сказал. Я уж подумал — не за монастырскими ли ценностями ты полез?

— Как ты мог подумать? Я похож на грабителя?

Александр поднял свечку. Должен быть какой-то механизм, закрывающий тайный ход. Увидел на стене рычаг, нажал. Рычаг подпружинен, пришлось применить силу. Дверь закрылась со щелчком. Но ни скрипа, ни заеданий. Видимо, ключарь смазывал механизм, следил за сохранностью хода. Все старые постройки имели такие ходы на случай внезапного нападения для спасения владельцев и домочадцев. Были такие в имениях бояр, в крепостях, даже царских покоях. Другое дело, что не все обитатели могли ими воспользоваться, пример — император Павел при покушении в Михайловском замке Санкт-Петербурга, где был убит. Во многих дворцах ходы устраивались внутри толстых стен, имели оконца в разные комнаты, подслушивать и подсматривать. По таким ходам можно было обойти все этажи или спуститься в подвал, откуда выйти через длинный ход к пристани, где ждала лодка, как в Гатчине. Обитатели дворцов и имений никогда не были в уверенности, что не совершится покушение, и всё равно были убиты тем или иным способом. Если нельзя зарезать, можно отравить, подкупив повара. Традиция использовать яды появилась в Римской империи, потом её позаимствовали в Венеции и Византии. Не отставали монголы в Золотой Орде. Так, Александр Невский был отравлен медленнодействующим ядом в Орде и умер на обратном пути на Русь.

Продвигались по ходу медленно, Александр опасался ловушек, а ещё обрушений. Всё же конница татарская прошла, большая масса могла продавить землю. Лёгкий сквозняк был, указывающий на выход к поверхности. Что неприятно было — пыль, паутина, а ещё летучие мыши, висевшие вниз головой на стенах и потолке. При приближении они противно пищали, шевелили перепончатыми крыльями, скалили пасть с острыми зубами. Фотий крестился.

— Господи помилуй! В преддверие ада попал! Вампиры, как есть кровососы! Всё за грехи наши!

Сколько метров шли, непонятно — сто, триста? Как угадать, когда никаких ориентиров нет? За ходом следили, держали в порядке. Кое-где старая деревянная крепь была заменена. Впереди забрезжил свет. Фотий обрадовался.

— Ты погоди радоваться, не торопись. Нам осмотреться надо.

Александр погасил свечу.

— Стой здесь.

Выбрался к выходу. Ловко устроили! На крутом склоне, да в кустах орешника. Саша выбрался, огляделся. Городская стена в сотне метров, река Клязьма в двадцати шагах и ниже. Явно с расчётом на эвакуацию на лодке или лодье. Но сейчас берег пустынен. Саша вернулся в подземный ход. Фотий сразу спросил.

— Что там?

— Ты ожидал боярские или княжеские чертоги увидеть? Берег реки впереди, а город сзади. Лодки нет, придётся сидеть до ночи и уходить пешими.

— Ох, горе-то какое! Сгинул монастырь и чернецы!

— Про город забыл помянуть. Жителей, кто не убит, не замучен, в плен уведут, в рабство вечное.

— Все под Богом ходим.

— Так почему Всевышний бесчинств и непотребства не видит, не остановит?

Фотий молчал, потом выдал.

— Грехов на нас много. А поможет он освободиться от татар руками людей. Вот твоими, например.

— Что я один могу? Их тысячи или десятки тысяч, кто считал. Ладно, не будем языками попусту молоть. У тебя знакомые в сёлах, деревнях есть?

— Откуда, я не мирской человек. Один ты и был.

— Плохо. Надо икону в надёжное место спрятать. Иначе нарвёмся на татарский разъезд, быть беде.

— Верно. Куда думаешь идти?

— В сторону Белоозера. Там монастыри, храмы. Туда басурмане не дойдут.

— Ближе города есть. Суздаль, Переяславль.

— Забудь. Суздаль горел вчера. А ещё много конницы по направлению к Москве пошло. Нам больших дорог сторониться надо, лесом идти.

Летом в лесу и грибы, и ягоды есть, с голоду помереть не получится, ручьи и реки в избытке. Дикое зверьё сытое, не нападёт. И от мороза не замёрзнут, август тёплым выдался.

Сидели тихо до вечера. По ночам на захваченных землях татары сидели в городах или, если в набеге, в биваках. Жгли костры, варили баранину. Караул, конечно, был. Но по дорогам не шастали. Русские — народ дикий, нападут с вилами да цепями. А в лес предпочитали даже днём не соваться. Степняков, выросших на открытых пространствах, лес пугал. Ничего не видно больше чем на десяток шагов, лошади ноги ломают в барсучьих норах, а главное — конница для удара разогнаться не может, и лучники цель не видят. Все преимущества ордынской тактики обстрелов противника издалека из луков, обходов, мнимых отступлений теряются. А русы из-за каждой ёлки могут выйти и дубиной огреть. Да и какие в лесу трофеи? Татары не воевать ходили, на всякой войне потери всегда с двух сторон. Трофеи — вот что их привлекало. Как нукер явится в свою кибитку пустой, без полных трофеями перемётных сумок, без рабов? Кто стада пасти будет, делать кумыс, стирать, согревать в постели зимними ночами, собирать кизяк, стричь овец? Вот чего у татар не отнять, так это жёсткой дисциплины. Ещё со времён Чингисхана повелось. Струсил один в бою — казнили весь десяток, струсил десяток — казнили сотню. В монголо-татарском войске действовала десятичная система: десяток — сотня — тысяча — десять тысяч воинов. Десять тысяч назывался тумен, изменившись в русском языке на тьма. И военачальник назывался темником, например Мамай из крымского ханства. У русских, по примеру армии Александра Македонского, была система двенадцати, дюжина. Двенадцать — двадцать четыре — сорок восемь. Через десятилетия, столетия подчинения Орде русские переняли десятичную систему и конницу как главную ударную силу. Ранее признавался главным пеший строй, а конница в небольшом количестве была у княжих дружин. Да, собственно, и все команды лошадям русские переняли от татар — тпру, но, впрочем, как и мат, ядрёный и забористый.

По темени двинулись спокойно. Мешало, что нет карты. Местность Александр знал приблизительно. Белоозеро должно быть от Владимира на северо-северо-запад. А уж сколько вёрст до него, Саша не знал. Добрались до деревеньки в десяток изб. Сначала обрадовались — куском хлеба разживутся, дорогу узнают. А увидели трупы, разоренные избы.

— Пошли отсюда, Фотий.

— Верно. Не деревня, а погост.

Побывали здесь басурмане, а жители не успели укрыться в лесу. Выбрались на грунтовую дорогу, легче шагать стало. В лесу опасаясь наткнуться на ветку да выколоть глаз в кромешной тьме. Небо тучами затянуто, луны не видно. Не говоря о звёздах. К утру вышли ещё к одной деревне. Петух закукарекал, дымом от печи пахнет, не пожарищем. Постояли, послушали. Нет здесь чужаков, поскольку живность голос подаёт. То корова замычала, время доиться подходит, то свинья хрюкнула. Двинулись к деревне. Их услышав, залаял цепной пёс. Хлопнула дверь избы.

— Кто такие? — грубый мужской голос. — Подите прочь, пока дреколья не отведали.

Фотий ответил:

— С Владимира мы, от басурман бежим.

— От басурман?

Мужик со здоровенным колом в руках вышел на улицу, все избы которой стояли с одной стороны. Похоже, мужик был не в курсе.

— Не знаешь разве, что Владимир под татарами? На меч взяли.

— Ой, беда! Не слыхал. Да вы пройдите в избу.

На Руси всегда путников и богомольцев поили, давали кусок хлеба, а то и кашей кормили. С утренних сумерек вошли в избу, где горели несколько лучин. Мужик, как увидел при тусклом свете парочку беженцев, рот разинул. Александр в полном боевом облачении — шлем, кольчуга, саблей опоясан, только щита нет, потерял в бою. И весь в каплях засохшей крови. Рядом чернец с мешком за плечами. Сочетание странное. С печи свесилась голова седобородого деда.

— Калики перехожие? — подслеповато прищурился он.

— Беглецы из Владимира, говорят — татары захватили.

— Вона как! Пора нам в землянку в лес переселяться до зимы от беды подальше. Ты людей-то накорми, небось хлебной крошки во рту давно не держали.

Александр попытался припомнить. Вчера утром завтракали, а больше не ел. Голод ощутил, усталость. Фотий, а за ним и Александр перекрестились на красный угол, где иконы висели. Хозяин предложил Саше.

— Пойдём во двор, к колодцу, обмоешься.

Александр лицо и руки обмыл, потом шлем и кольчугу. Заметил, что хорошо бы поддоспешник войлочный поменять, потом пропах и тоже в крови. Но это до лучших времён.

Обоих усадили за стол, поставили по миске толокняной затирухи, по паре кусков ржаного хлеба. Дождавшись, пока незваные гости поедят, хозяин подступил с вопросами.

— Много ли людей живота лишились?

— А кто считал? Много, сам к монастырю пробивался, мёртвыми телами улица полна. Кроме того, татары в плен людей гонят.

— Так вы в монастыре оборону держали?

— В нём, монастырь дольше всех держался, но пал.

— Потому ты с чернецом, — дошло до хозяина.

Фотий, до того молчавший, подал голос.

— Поблизости церкви есть?

— Как не быть? Версты три отсюда село, на московской дороге.

Фотий и Александр переглянулись. Саша головой мотнул, нельзя туда, татары прошли этой дорогой. В лучшем случае церковь разграблена, в худшем — священник убит, а храм сожжён. Фотий поднялся с лавки, развязал мешок, вытащил икону. Хозяин как увидел образ, на колени пал, перекрестился, приложился к иконе устами.

— Значит, икону намоленную спасаете? Богоугодное дело! Марфа, дай людям каравай хлеба, яичек свари, огурцов положи в лукошко.

Глава 3

Икона

Похоже, уважение к путникам у хозяина после демонстрации иконы резко возросло.

— Отдохнёте?

— На сеновале место найдётся?

— В избе, на полатах, уложим, всё честь по чести.

— На сеновале постели.

— Как скажете.

В избе опасно. Если татары набредут, кинутся в избу, шум поднимется. Фотий уйти с иконой сможет. Главное сейчас — икону сберечь. Сеновалы ставились на заднем дворе, подальше от избы на случай пожара. Сено вспыхивает, как порох, ветром мгновенно разлетается, переноса огонь на соседние постройки.

Улеглись на домотканые половички, что хозяин на сено бросил. Фотий уснул сразу, отвык помногу ходить, да и вчерашние испытания — для психики нагрузка тяжёлая. Александр спал вполглаза-вполуха. Если оба будут крепко спать, татары их тёпленькими возьмут. Но пронесло, выспались. Хозяйка щей сварила, покушали и в путь. Фотий мешок с иконой несёт, Александр лукошко с провизией. Хозяин рукой дорогу показал.

— До села идёте и направо, там, через версту, перекрёсток. Берите влево, в сторону Юрьева-Польского, а дальше спросите.

— Спасибо, хозяин, за хлеб-соль, за кров.

Фотий перекрестил хозяина на прощание. И снова ночной переход, вёрст двадцать — двадцать пять прошагали. Светать начало, надо с отдыхом определяться. К хутору вышли, причём обнаружили по петушину крику. На хуторе бортник-бобыль проживает. На отшибе хуторок, а хозяин уже в курсе нашествия татарского.

— Вы не первые, вчера несколько людей было, плакались, — сказал он.

Накормил кашей с маслом, сладким сытом угостил медовым, хлеба не пожалел. Отдохнули на хуторе и в ночь вышли. Ночь была лунной, и направление в лесу Александр по звёздам держал. Им на север, на Полярную звезду. В лесу даже днём заблудиться очень просто. Желательно приметы знать. Крона на дереве гуще с юга, лишайники на стволах деревьев с северной стороны растут. А ещё солнце помогает, а ночью — звёзды. Иначе кружиться будешь, сапоги стопчешь, а далеко не продвинешься. К утру ручей перешли, за ним деревня виднеется, как позже выяснилось — Лыково. Справа грунтовка в версте видна, по которой подвода к деревне идёт. Постояли, Александр осмотрелся, опасности не обнаружил. От леса до деревни открытая луговина, спрятаться негде. Уже к дороге подошли, как показались трое конных со стороны Обращихи. Было такое село. Александр забеспокоился было, но при приближении стало понятно — свои, русские. Кольчуги, шлемы-шишаки и кони тоже нашей породы. У татар лошади ростом меньше, мохноногие, нрава диковатого. Расслабился Александр, а зря. Дружинники подъехали, лыбятся.

— Гей, земляки! Куда идём?

— В Юрьев-Польский.

— Из Владимира бежим или из Суздаля?

— А тебе какое дело? Мы никого не трогаем, люди свободные.

— Поговори мне, плети отведаешь!

Дружинник на Александра замахнулся. Это из дружины князя Андрея, изменника, догадался Саша. Саблю мгновенно выхватил и руку с плетью, уже опускавшуюся, отсёк по локоть. Дружинники отпора не ожидали, промедлили секундочку. Саша на второго кинулся, а тот за меч схватился, да из ножен выхватить не успел, Александр саблю снизу ему под колычугу вогнал, едва не по рукоять. Всё длилось несколько секунд. Третий дружинник молодой, похоже новик, растерялся. Как же так? Их трое, да на конях, а какой-то пещец двоих воев из строя вывел. Меч смог выхватить, а Саша уже рядом, кончиком сабли в подбородок упёрся.

— Жить хочешь?

А новик боится кивнуть, о саблю порежешься, сказать не получается, в горле пересохло. В первый раз смерть к нему так близко подступилась. Саша продолжает:

— Меч-то брось наземь!

Клинок на землю упал.

— Правильно. А теперь сам слазь.

Новик слез, дрейфил сильно, аж ноги тряслись.

— В сторону от меча отойди.

Фотий закричал.

— Сзади!

Александр упустил из вида того, кому руку правую отсёк. Скорее всего старший в дозоре. Кровь из раны хлестала, но он смог левой рукой боевой нож достать и сейчас перегнулся, чтобы Александра ударить. Саша пригнулся, саблей вверх ударил, прямо поперёк лица раненого. Основной удар по наноснику пришёлся, но и глаз левый клинок задел. А Саша снизу ещё один удар — колющий, в подбородок. Снизу, с земли, во всадника, самое удобное место для удара. Фотий кричит.

— Держи!

Оставшись без присмотра, новик бросился бежать. Александр на его лошадь вскочил, пнул каблуками в бока. Несколько секунд — и догнал беглеца, ударил его саблей по плечу, но не остриём, плашмя. Не было цели убить, хотел допросить. Новик взвыл, удар почувствовав. Закричал.

— Помилуй, ради Христа!

— О Христе вспомнил? А нехристю служишь, басурманам помогаешь! А ну топай назад, к своим сотоварищам!

— Не убивай меня!

— Жалко саблю о тебя марать. Вздёрнуть бы тебя на суку в назидание изменникам, да верёвки нет.

Вернулись к Фотию и убитым дружинникам.

— Бери вот этого за ноги и тащи на луговину.

Ямка там была, когда к деревне шли, видел её Александр. Подумал ещё — покажется неприятель, можно залечь, спрятаться. Оглядываясь на Александра, новик волоком потащил убитого к ямке, столкнул.

— А теперь второго, да пошевеливайся!

И второй дружинник отправился за первым. Александр ногой сгрёб пыль на пятна крови, подобрал оружие дружинников, валявшееся на дороге. Сам взял двух коней под уздцы, Фотию сказал.

— Бери третью лошадь, идём назад, в лес.

Не ровен час, нагрянут другие дружинники или ещё хуже — татары. У них разъезды по десять человек, не совладать. Зашли в лес подальше. Александр коней к деревьям привязал.

— Ну, теперь рассказывай всё!

— Что говорить-то?

— Чей ты, как Владимир брали?

— Князя Андрея Городецкого дружинник, новик.

Ага, не ошибся Александр. Хотя, по возрасту судя, староват парень для новика. На службу в дружину берут лет в шестнадцать-семнадцать. Обучение год-два, и только тогда воин получается. А этому немногим более двадцати.

— Как звать?

— Петром. Из Пенкина мы.

— Продолжай, чего замолк.

Александр саблю в ножны не убирал, поигрывал ею, морально новика давил.

— Отвечай, чья дружина?

— Князя Андрея Александровича.

Стало быть, не ошибся Александр в своих предположениях. Дружинники князя хорошо знают местность, служат проводниками для татар, а ещё патрулируют дороги, отлавливая беглецов из города. Уже опосля князь над ними поглумится. Кого татарам в рабство отдаст, кого казнит. Получается — свои своих уничтожают на радость басурманам.

— Много дозорных?

— На каждой дороге три дозора. На московской, муромской, суздальской, на этой, что к Юрьева-Польскому идёт. Да на всех. Князь сказал, чтобы мышь не проскочила.

— Татарам помогаешь, сучонок, как и князь твой. Деньги есть?

— У старшего были.

— Иди, принеси. Нет, стой! Раздевайся. Шлем снимай, кольчугу, рубаху, порты.

— Зачем? — испугался новик.

— А чтобы не убёг.

Голяком не поверит никто, что дружинник, да и зазорно это, срамно. Новик разделся.

— Чего встал? Иди к яме, старшего своего обыщи, неси сюда кошель, тогда одежду верну.

Прикрывая рукой причинное место, новик побрёл из леса.

— Уйдёт, — посетовал Фотий.

— Да и чёрт с ним, если сбежит. Если в дружину придёт, высекут за утрату княжьего имущества, а ещё презирать будут всю его службу.

— Каждый православный — Христов воин. А на новике крест есть, крещёный, а басурманам помогает. Воистину мир перевернулся! — возмутился чернец.

— Князья, кои защитниками своих земель быть должны, под татар легли, а простому народу куда деваться? Думаешь, новик этот Пётр осознавал, что изменнику помогает? Князь его обул-одел, коня и оружие дал, кормит. Отдал приказ, а этот дурень выполняет, думает — добро делает.

— Отпусти ты его, не бери грех на душу, Господь велел милосердие являть к падшим и грешникам.

— Не суди да не судим будешь? Зачем мне его никчёмная жизнь? Принесёт деньги и пусть идёт на все четыре стороны.

— Мародёрство это, нельзя.

— Нам добираться далеко, без денег как? На паперти просить? Думаю, басурмане многие церкви сожгли. Помнишь первую деревню, где одни мёртвые были? И дальше так может быть.

— Свят, свят! — Фотий перекрестился.

Вернулся новик. Вид смешной — нагой и с кошельем в руках. Протянул его Александру.

— Одевайся, так и быть.

Пока Пётр одевался, Саша заглянул в кошель, а там медяки и серебро, для дружинника сумма не малая.

— Грабили, обирали людей по дороге?

— Было, — потупился Пётр.

— Скройся с глаз моих и лучше бы тебе отсидеться в своём Пенкино. Встречу ещё раз на дороге и с оружием, зарублю. Веришь?

— Да, дядька.

Александр удивился. Какой он дядька, если они сверстники? Или даже Пётр немного старше. Новик ушёл. Саша Фотия спросил.

— Ты сильно устал?

— Если надо, я готов.

— Сейчас перекусим, чем Бог послал, и на конях поедem. Ты в седле-то держаться сможешь?

— А то! В детстве гонял коней в ночное да без седла. Так ведь опасно днём-то!

— Я выгляжу как дружинник, только не меч у меня, а сабля. А ты и вовсе чернец. Чем мы отличаемся от дозорных? Зато на коне ноги бить свои не будем, а ещё харчи на деньги дружинников покупать будем.

Александр поднял кошель, потряс им. Хуторянин утром небольшую сумку им дал, хлеба, сала, луковицы положил. Немудрёная еда, но сытная. Фотий есть начал нехотя, а потом вошёл во вкус, свою половину подчистую съел.

— Пост сейчас, правда, не строгий. А мы с тобой сало вкушаем, грех это.

— Путникам и воинам можно. Да и отмолишь потом этот грех, невелик он. Это князя Андрея грешником назвать можно.

Александр уздечку одного коня привязал к седлу другого, вроде заводного коня получилось. В седло лихо взлетел. Фотий удивил, как заправский кавалерист сел, полы подрясника подобрал. Немного нелепо смотрелся, поскольку никогда ранее или позже Саша не встречал чернецов верхом. Пешком шли, на телеге ехали, на корабле плыли, но не верхом. Зато быстро до Юрьево-Польского доедут. Тихим ходом на дорогу выбрались и погнали. Саша думал — отстанет Фотий, оборачивался поперва. Куда там! Только подрясник на ветру развеивается чёрными крыльями, как у демона. Редкие прохожие в испуге шарахались в стороны. Но уже к вечеру показался город. Приближаться не стали, спросили у мужика, что на подводе ехал.

— Скажи-ка, братец, кто в городе? Чья власть?

— Басурмане, чтобы им пусто было! Ворвались, людей побили.

Надежда, что смогут отдохнуть, поесть на постоялом дворе, испарилась. Александр спросил дорогу к Переяславлю. Мужик рукой показал, но добавил.

— Не ходили бы вы туда. Окаянные по сёлам и деревням шастают, как бы плохо не вышло.

— Благодарю за совет.

Село объехали стороной, выбрались на просёлочную дорогу. Пора думать о ночлеге, да и поесть бы не помешало. А ещё лошадей пустить пастись, напоить. Устали кони за переход, почти полдня на рысях шли. Дорога поворот делала, впереди крики слышались, из-за деревьев не видно ничего. Ещё полсотни метров — и вот они, татары. На середине дороги подвода с узлами. Один татарин ногами мужика лежащего бьёт, второй басурман девку за косы держит, третий ей сарафан задирает. Вскипел Александр, саблю выхватил, коня хлестанул, помчался на татар. Да не татары это были, монголы меднолицые. Кони басурман в сторонке, травку щиплют. Всполошились монголы, жертв своих бросили, сабли выхватили. Монгол, что мужика бил, успел саблю вскинуть для защиты, но Александр на скаку ударил его клинком по левому плечу, располовинил и дальше пронёсся, развернул круто коня и к коням монгольским. Надо не дать монголам до лошадей добраться и уйти. Где-то рядом басурман целый отряд, эти отбились, решили пограбить отдельно. Доскачут до своих, приведут подмогу. Убивать или калечить ни в чём не повинную скотину нехорошо, но выбора не было. Кони степняков выучены, без команды не убегут и к хозяину бегут по его свисту или крику. Слух у лошади отменный, своего монгола по звуку опознают безошибочно, даже в табуне. Александр подскакал, одному коню саблей в сердце ударил, другого по шее. Третий не стал дожидаться печальной участи, рванул вскачь. Монголы завопили возмущённо. Для них конь — это всё — транспорт, печка в холода, тяговая сила на водной переправе, даже еда. Вяленая конина — любимое лакомство для степняков, про кумыс и говорить не стоит, свежий, как молоко, пьют, а кислый многодневный хмелем в голову ударяет. Первый из монголов попытался в отместку Сашиного коня саблей пырнуть. Александр своим клинком ударил по чужому оружию, скверного качества монгольская сабля не выдержала, сломалась у эфеса. Мгновение монгол потерял, недоумённо смотря на обломок в своей руке, но секунда эта стоила ему жизни. Снёс Саша голову ему. А рядом уже второй, с вислыми жидкими усами, саблей машет, как ветряная мельница крыльями, шипит злобно. Саша с коня прыгнул. Эх, щита не хватает, в монастыре остался. Монгол опытный, выпад сделает ложный и смотрит, как Саша отреагирует. Или время тянет, подмоги ждёт? Саша в цейтноте, в любую минуту татары налететь могут сворой злобной. Обрушил на монгола град ударов, тот отбивал умело. Но роста небольшого, как и все монголы, хотя были исключения. Этот фактор решил исход схватки. Саша момент улучил, пнул ногой в пах, монгол от боли согнулся, и Александр уколom в спину убил его. За спиной, на дороге, женский визг, мужской крик. Да что сегодня за день такой? Саша к повозке побежал. Мужик и девка руками назад показывают. Александр голову повернул, вдали несколько всадников, явно монголы, потому как русские на конях бунчуков не имеют.

Саша кричит.

— Мужик, на коня!

— А дочь?

— За тобой сядет, быстрее.

Мужик на заводного коня неловко взобрался, девку за руку втянул на круп, позади седла. Саша бегом к коню, подъехал к мужику, взял его коня за уздцы.

— Фотий, за мной!

И в лес. Сейчас главное — от монголов уйти. Ветки по лицу били. Саша пригнулся, лёг на шею коня. Скакун выбирал дорогу сам между деревьями, немного левее и сзади топал копытами заводной конь, ругался мужик, ветки его били, а если наклониться, будут бить дочь. Фотий скакал последним. Полчаса скачки, лес совсем густой, настоящая чаща.

Счастье, что никто не выколол глаза, но лица у всех исцарапанные, как будто кошки драли. Остановились. Заводная лошадь дышала тяжело, всё же двоих несла, да мужик упитанный. Мужик сразу причитать начал.

— Всё добро на телеге осталось да лошадь! Разворуют ведь!

— Если тебе рухлядь дороже жизни, можешь вернуться. Дочку твою едва не насильничали, в рабство бы забрали, а ты о барахле. Тьфу!

Мужик оправдываться начал.

— Нишкни! Послушать надо, нет ли погони?

Александр отошёл в сторону, прислушался. Тишина, лишь птицы поют. Басурмане — народ злой и злопамятный, за убийство своих сотоварищей карают, да ещё творчески обставив. Убить — слишком легко. Надо, чтобы убийца помучился. В котле его сварить живьём или содрать кожу и изгаляться — это хорошо, духи довольны будут. А на кол сажать — это развлечение для князей русских, как и медведем неугодного травить.

Александр постоял, послушал. Ни стука копыт, ни хруста веток, ни голосов не слышно. Повезло! Но где они сейчас находятся? Мужик и девка с лошади слезли, топтались, не зная, что делать.

[Купить полную версию книги](#)